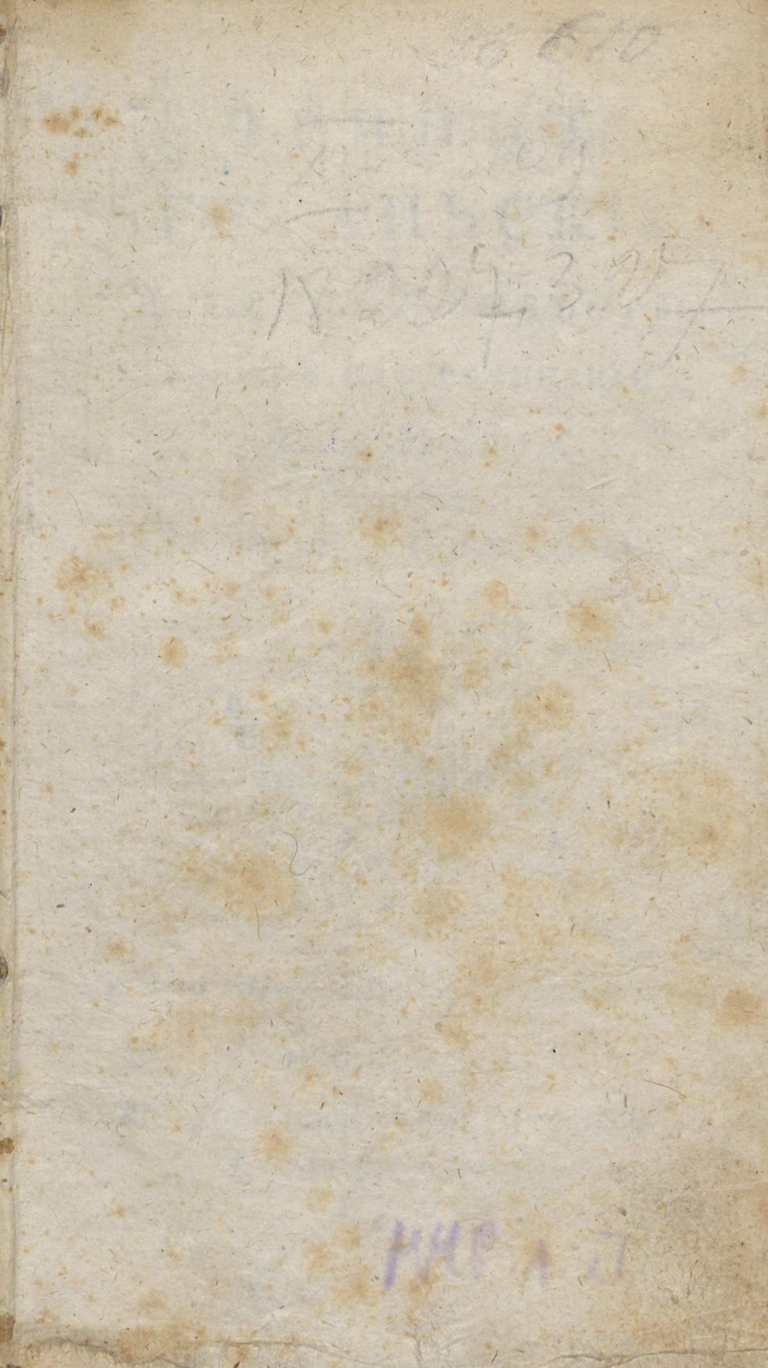

ПРИНЦЪ БРЕТАНЬСКІЙ,

ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ,

взятая изъ сочиненій

Г. д'Арнода.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1794.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Принцъ Бретанскій*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Професоръ, и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

ПРИНЦЪ БРЕТАНЬСКІЙ.

Іоаннъ V, Герцогъ Бретаньскій, по смерти своей оставилъ отъ первой супруги, сестры Карла VII, Короля Французскаго, трехъ сыновей: *Франциска*, Графа Монтфортскаго, которой былъ его преемникомъ; *Петра*, Графа Гингампскаго, и *Эгидія*, владѣтеля Шантоцескаго, котораго въ продолженіи сей Исторіи будемъ мы называть Принцомъ Бретаньскимъ. Сіи Принцы имѣли у себя дядю съ отцовой стороны, которой много споспѣшествовалъ къ приведенію въ цвѣтущее состояніе Французской Монархіи. Артуръ, Графъ Ришемонтскій, представляетъ знатное лице въ нашихъ лѣтописяхъ, и безъ сомнѣнія заслуживаетъ нашу благодарность. Онъ умѣлъ въ одно время по-

бѣждать Англичанъ, опаснѣйшихъ нашихъ непріятелей, и торжествовать надъ придворными окружавшими Карла. Сія послѣдняя побѣда стоила ему можетъ быть гораздо большаго труда, нежели первая. Сей Принцъ съ высокимъ званіемъ Коннетабля соединилъ собственныя свои достоинства. Артуръ провождалъ нѣкоторую часть года въ замкѣ Партенейскомъ, съ новою своею супругою Екатериною Люксамбургскою. Онъ оставилъ сіе любезное ему жилище для того, чтобы присутствовать при брачномъ торжествѣ своего племянника, владѣтеля Бретани.

Но прежде нежели поступлю я далѣе, за нужное почитаю сдѣлать здѣсь нѣкоторое описаніе трехъ Принцовъ Бретаньскихъ. Герцогъ по слабости своихъ страстей преданъ былъ пагубнымъ впечатлѣніямъ своихъ любимцевъ, которые по обыкновенію употребляли во зло самыя лучшія его расположенія. Сія нравственная слабость, которая въ частномъ человѣкѣ кажется только сла-

слабою погрѣшностію, и которая въ Государѣ бываетъ источникомъ пагубнѣйшихъ, а частію и беззаконнѣйшихъ преступленій, затмѣваетъ добрыя качества Франциска. Щедрость его и мужество не могли оправдать предъ глазами потомства того варварскаго и жестокаго поступка имъ учиненнаго, которой въ наученіе Государямъ и другимъ смертнымъ изображается въ семъ повѣствованіи. Льстецы умираютъ съ Монархами, но Исторія есть безсмертна. Сей безпристрастный и нелицемѣрный судія обвиняетъ теперь Герцога Бретаньскаго и дѣлаетъ память его ненавистною.

Петръ, не меньше подверженный слабости, какъ и старшій его братъ, съ угрюмымъ и задумчивымъ нравомъ соединялъ непросвѣщенную набожность, которая простиралась даже до суевѣрія. — Всякое излишество, даже и въ самой добродѣтели, не похвально. — Сей Принцъ хотя былъ женатъ, но жилъ какъ холостой, и въ послѣднихъ

годахъ своея жизни онъ постригся въ монахи.

Принцъ Бретаньскій совсѣмъ несходенъ былъ съ своими братьями. Онъ имѣлъ духъ независимый и твердый во всѣхъ его предпріятіяхъ. Самыя малѣйшія его желанія были господствующія въ немъ страсти; все его воспламеняло. И такъ не разсуждая о слѣдствіяхъ, онъ взиралъ только на настоящее; съ восхищеніемъ устремлялся къ представляющемуся предмету и жертвовалъ для него всемъ. Самое его праводушіе подавляемо было жестокостію его страстей. Онъ пренебрегалъ сію политику, столько нужную для людей, а особливо для таковыхъ, каковъ былъ онъ. Не зная притворства, не умѣлъ онъ обуздывать своихъ похотѣній, всегда будучи готовъ предаться стремительности строптиваго своего нрава; отъ сего произошло, что онъ всегда переходилъ изъ заблужденія въ заблужденіе и изъ нещастія въ нещастіе. Сей разительной примѣръ не научаетъ ли каждаго

смиренію и униженности! Сія безразсудная вспыльчивость, порокЪ пагубнѣйшій, ибо не льзя дать ей другаго названія, устроила совершенную погибель Бретаньскаго Принца, и учинила безполезнымЪ плодЪ его добродѣтелей. Онѣ ни кЪ чему больше не послужили, какЪ только произвели безплодное нѣкоторое сожалѣніе о семЪ нещастномЪ: слабое награжденіе злополучныхЪ, кои не заслуживаютЪ претерпѣваемыхЪ ими бѣдствій! Кажется, что природа человѣческая, вдохнувЪ вЪ насЪ соболѣзнованіе, желала наградить невинно страждущаго за претерпѣніе тѣхЪ жестокихЪ и несправедливыхЪ гоненій, которыми обременяетЪ она бѣдное бытіе его. Сей родЪ оправданія не силенЪ защитить насЪ отЪ укоризны, которая можетЪ быть есть весьма основательна. ЧеловѣкЪ не рѣдко бываетЪ злобнѣе и жесточае изЪ всѣхЪ твореній.

ФранцискЪ поспѣшалЪ возложить на себя Герцогскую мантію, и заключить новой союзЪ, которой представ-

лялЪ глазамЪ его блистательную перспективу. Шотландская Принцесса, представляя ему свою руку, сЪ придамымЪ своимЪ соединяла требованія, которыя время и обстоятельства могли произвести вЪ дѣйство. Ибо положено было, что естьли Король ея родитель скончается, не оставивЪ послѣ себя дѣтей мужескаго пола, то Изабелла должна была вступить вЪ его наслѣдство и доставить скипетрЪ своему супругу.

Сугубое торжество коронованія и брака отправляемо было при многочисленномЪ собраніи. ТутЪ присутствовало знатнѣйшее дворянство: РоганЪ, Лаваль, ЛеонЪ, ШатобріанЪ, Рье, Темене, БомануарЪ, Шато-ЖиронЪ, Коеткень и несчетное множество другихЪ вельможь, кои пышностію великолѣпія и знатностію своей природы учинили ДворЪ Бретаньскій равнымЪ первѣйшимЪ ДворамЪ ЕвропейскимЪ.

Празднество сіе продолжалось многіе дни. Оно еще не окончалось, какЪ ПринцЪ Бретаньскій требуетЪ тайнаго

го переговора съ Герцогомъ. Онъ предстаетъ къ нему и говоритъ: „Любезный братъ! я не въ силахъ болѣе сопротивляться моему нетерпѣнію. Наконецъ ты достигъ верьха твоихъ желаній, обладая любезною супругою, которая была опредѣлена мнѣ. Можетъ быть нѣкогда увижу я тебя на престолѣ Шотландскомъ. Такова есть твоя участь, но моя еще неизвѣстна; ты только одинъ можешь устроить мое щастіе: я люблю, я обожаю самую красоту, и я паду подъ бременемъ тоски, естьли хотя одну минуту умедлю сочетаться съ нею бракомъ. Прости, любезный братъ; я досель скрывалъ отъ тебя тайну моей любви, ибо я принужденнымъ находился учинить сіе притворство. Родители ея, связанные не знаю какимъ то обѣщаніемъ, которое учинили они по слабости своей, полагали препону моему благоденствію. Но ихъ уже нѣтъ; всѣ препятствія рушились съ ихъ жизнію. Я любимъ; кровь Динановъ, какъ тебѣ извѣстно, можетъ соеди-

ниться съ кровію своихъ Государей. Одно только нужно твое согласіе, я его изпрашиваю у тебя какъ у своего Государя; а какъ братъ, я требую онаго со всею стремительностію той взаимной нѣжности, которою мы другъ другу одолжены; и то и другое позволяетъ мнѣ льститься надеждою, что я получу сіе соизволеніе; щастіе мое и самая жизнь отъ него зависитъ: повели, да бракъ мой неукоснительно послѣдуетъ за твоимъ!„

Франциск обѣщаетъ своему брату вспомоществовать ему своею властію, осыпаетъ его всѣми знаками нѣжности, и пріемлетъ участіе въ его судьбѣ, такъ какъ въ собственной своей. Принцъ считаетъ уже себя супругомъ Аликсы, и поспѣшно летитъ къ ея ногамъ. — „Нѣтъ выраженій, могущихъ изъяснить восторгъ моей радости. Герцогъ знаетъ все: Такъ, онъ знаетъ божественная Аликса, что я тебя боготворю, что я горю нетерпѣніемъ носить на себѣ вожделѣнное имя твоего супруга; нѣтъ

боль-

больше препятствія. Наконецъ я буду тобою обладать! буду всегда страстнѣйшій твой любовникъ. Ахъ! пускай Герцогъ владѣетъ Бретанью; пусть онъ оставитъ мнѣ малую частицу наслѣдія, которымъ хотябъ порода моя и законныя мои права были обижены: я никогда не стану на сіе жаловаться. Не получилъ ли я всего того, чего токмо могъ желать? Обожаемая Аликса! не превышаю ли я моего брата... перваго обладателя вселенныя? Ты устремляешь на меня прекрасныя твои очи; я читаю въ твоихъ взорахъ, что тебѣ не противна моя преданность. Ахъ! скажи, повтори стократъ, что Принцъ Бретаньскій научилъ тебя чувствительности: добродѣтель запретитъ ли тебѣ сіе признаніе?„ — Онъ осыпалъ пламенными поцѣлуями руку прелестной Аликсы, держа оную въ своихъ рукахъ, и проливалъ слезы, исторгаемыя восхитительною нѣжностію, которыя столь выразительны и имѣютъ величайшую власть надъ юнымъ сердцемъ! „Принцъ! от-

отвѣтствовала ему дѣвица Динанъ краснѣя: чего требуешь ты отъ меня? чего желаешь? Такъ безъ сомнѣнія, ты показалъ мнѣ, что я имѣю душу, увы! чрезвычайно чувствительную; ты одинъ былъ предметомъ первыхъ моихъ взглядовъ, первыхъ моихъ вздоховъ; съ самою жизнію получила я сію нѣжность, причинившую мнѣ толико напастей, которыхъ конца мы еще не видимъ. Развѣ не знаешь ты, что отецъ мой и мать живутъ еще въ моемъ дядѣ, которой наслѣдовалъ власть ихъ надо мною? Маршалъ Бретаньскій не силенъ ли поставить тебѣ непреодолимую препону, вооружившись симъ тиранскимъ упорствомъ, которое разрываетъ нашъ союзъ, принуждаетъ меня тебя убѣгать, и сносить присутствіе, или лучше гоненія Артура Монтобана. Мнѣ вмѣняютъ то въ законъ, и утверждаютъ, что родители мои дали свое слово, и что я непремѣнно должна исполнить сіе обѣщаніе, которое будетъ стоить мнѣ жизни. — Ты будешь жить! ты будешь

супру-

супругою моею! прерываетъ стремительно Принцъ, и нѣтъ во вселенной власти, могущей воспрепятствовать мнѣ заключить союзъ сей. Нѣтъ, я ее не вижу. Кто только дерзнетъ объявить себя моимъ соперникомъ, кто только вообразитъ сіе . . . долженъ трепетать! Пусть не принуждаютъ мою любовь вооружиться свирѣпствомъ; она дойдетъ до крайности. . . Я тебя люблю, и чувствую, что въ состояніи на все отважиться; родители твои уже не существуютъ: ты свободна, ты принадлежишь мнѣ; братъ мой на сіе согласенъ; ты сего желаешь, я все прочее пренебрегаю. Дерзновенный Артуръ можетъ ли долго сопротивляться брату своего Государя? Одинъ только Принцъ Бретаньскій умѣетъ достойно любить божественную Аликсу. Но, обожаемый предметъ любви моей! удалимъ отъ насъ сіи тучи и устремимъ взоръ нашъ къ Олтарю. . . Все возвѣщаетъ намъ наступающее наше блаженство; все благопріятствуетъ сему союзу,

ко-

которой самое Небо безъ сомнѣнія уже опредѣлило. „

Упоенный лестною надеждою любовникъ сей, поспѣшаетъ излить восторги свои въ нѣдра своего друга Танти, между тѣмъ какъ Аликса силилась удалить отъ себя сіе обманчивое воображеніе.

Подозрѣнія юной сей особы въ самомъ дѣлѣ были нѣкоторымъ образомъ основательны. Принцъ имѣлъ при Дворѣ непримиримыхъ враговъ, которые тайно устроевали ему гибель. Сильнѣйшія причины побуждали ихъ къ мщенію. Артуръ Монтобанъ, обладаемъ будучи жестокою страстію, которая для достиженія своего конца все предпринять готова, горѣлъ нетерпѣливостію освободиться отъ опаснаго соперника. Жанъ Гингантъ, Королевской Камер-Юнкеръ, не меньше сильной питалъ въ груди своей пламень. Онъ нѣсколько разъ обижаемъ былъ Принцомъ Бретаньскимъ, и оскорбленное честолюбіе подвержено всему бѣшенству ревнивой любви. Къ симъ

двумъ

двумъ вельможамъ присоединился Жакъ д' Еспиной, бывшій Епископомъ въ Сент-Мало, а потомъ и въ Ренинѣ. Сіи придворные располагали душею Монарха по своему соизволенію. Увѣдомившись о разговорѣ, которой имѣлъ онъ съ своимъ братомъ, они устроевали коварные свои замыслы, чтобы истребить, естьли будетъ можно, предметъ ихъ ненависти.

Танги, не меньше недовѣрчивъ будучи, какъ и Аликса, ни мало не одобрялъ лестныхъ представленій воображенія любовію поощряемаго. „Дражайшій братъ! говорилъ онъ Принцу: естьли законы запретили мнѣ произносить сіе толико вожделѣнное для меня имя, то природа гораздо снисходительнѣйшая мнѣ оное дозволяетъ, и я произношу его съ величайшимъ удовольствіемъ. Такъ нѣжнѣйшій и тщательно пользу твою наблюдающій братъ говоритъ тебѣ теперь. Развѣ ты никогда не откроешь глазъ своихъ и не увидишь истинны? Страсти твои всегда ли будутъ обладать тобою до того степе-

степени, чтобы всегда погружену быть въ грубыхъ погрѣшностяхъ? Какъ можешь ты надѣяться, чтобы Бертрандъ Динанъ согласился отдать тебѣ свою племянницу, когда онъ честь свою поставляетъ въ исполненіи завѣщанія ея родителей, въ исполненіи обязательства на смертномъ одрѣ ими возобновленнаго, и когда уже Артуръ Монтобанъ названъ щастливымъ? . . . Престань жестокій! прерываетъ слова его Принцъ: ты называешь . . . Артура . . . супругомъ Аликсы! . . . Аликса въ объятіяхъ другаго! . . . Сіе воображеніе . . Ты меня знаешь; ты знаешь. . . . Пусть не принуждаютъ меня къ сему; я призову въ страну сію Англичанъ. Бротань прежде будетъ плавать въ крови . . . превратится прежде въ кучу пепла. . . . Танги, дражайшій Танги! я заклинаю тебя симъ священнымъ союзомъ, которой насъ соединяетъ, пощади любовь мою отъ представленій. . . . Герцогъ не благоволитъ, чтобы Артуръ ее получилъ; тысяча ударовъ

ровъ пронзять, расторгнуть его грудь прежде нежели приметъ онъ одно намѣреніе похитить у меня Аликсу. Аликса . . это сердце, которое, равно какъ и мое, умѣетъ тебя любить. . . Танги, я буду обладать ея прелестями; взоры мои пригвождены будутъ къ симъ обворожающимъ глазамъ. . . Позволь мнѣ, позволь наслаждаться блаженствомъ, о которомъ не могу я сомнѣваться. . . . Ахъ, любезный братъ! когда не буду я имѣть другаго удовольствія, какъ только лежать у ея ногъ, какъ только стократно ей повторять что я люблю ее до обожанія, то не буду ли я щастливѣйшій изъ смертныхъ? Что есть величество, самая жизнь безъ Аликсы? Необходимо должно, чтобы Маршалъ уступилъ власти. . . Ты говоришь о обѣщаніи? Пускай всѣ мертвые возстанутъ изъ гробовъ, ничто меня не поколеблетъ. Еще единожды повторяю, Танги! не затмѣвай мрачными облаками прекраснаго дня, которой блистаетъ въ глазахъ моихъ; конечно тебѣ пріятно,

 любез-

любезный другЪ, причинять мнѣ мученія . . Чувствуешь ли ты, сколько я страдаю? — АхЪ, дражайшій братЪ! я гораздо болѣе мучусь, нежели ты. СЪ смущеніемЪ взираю я на ту кучу бѣдствій, которыя тебѣ приготовлены; я люблю тебя безЪ сомнѣнія, и ты вЪ этомЪ увѣренЪ: но не могу скрывать предЪ тобою той бездонной пропасти, вЪ которую ты готовЪ себя низвергнуть; взорЪ мой проницаетЪ сквозь цвѣты, которые сыплешь ты вЪ великомЪ множествѣ, и усматриваетЪ весь ужасЪ бездны. . . Ты имѣешь враговЪ. — Я смѣюсь безсильной ихЪ ненависти. — По крайней мѣрѣ ты ихЪ не оскорбляй. — Я пренебрегаю сіе придворное искуство, и хочу, чтобЪ они совершенно были увѣрены, что я ихЪ презираю. Ты ПринцЪ, Государь . . . я любовникЪ Аликсы, и всѣ мои желанія стремятся кЪ тому, чтобы быть ея супругомЪ . . . Дражайшій Танги! прости моимЪ восторгамЪ; разумЪ мой заблуждается, когда поставляютЪ малѣйшее препятствіе пламенной моей

люб-

любви. Душа моя тебѣ открыта: я совсѣмъ не сроденъ къ мщенію, которымъ я гнушаюсь. Кто? я, я внесу пламенникъ войны въ мое отечество? Нѣтъ, не думай сего, не думай. Герцогъ и государство будутъ всегда имѣть во мнѣ ревностнѣйшаго защитника. Ты представляешь мнѣ враговъ, но заслуживаю ли я сіе? Правда, я оскорбилъ одного дворянина, Гинганта; но развѣ забылъ ты, сколько старался я вознаградить оную обиду? Я не стыдился принести ему оправданіе, и теперь еще готовъ учинить ему всякое удовольствіе, какого бы онъ ни потребовалъ. Любезный другъ! я имѣю сердце весьма чувствительное. Сія пагубная страсть послужила къ тому только, чтобы больше его воспламенить. Это есть огнь пылающій въ моей крови, а ты оной еще увеличиваешь; ты вливаешь въ грудь мою ядъ; ты принуждаешь меня видѣть Аликсу . . . не лишай меня моей надежды: Аликса будетъ въ моихъ объятіяхъ! или . . . пусть исторгнутъ у

меня сіе сердце, жесточайшею любовію снѣдаемое . . . и достойное всякаго сожалѣнія!„

Принцъ при сихъ словахъ не могъ удержаться отъ слезъ. Танги принужденъ былъ для его утѣшенія перемѣнить рѣчь и учинить сноснѣйшими тѣ истинны, которыя онъ ему представилъ.

Аликса не меньшаго достойна была сожалѣнія; разгнѣванный ея дядя обременялъ ее укоризнами. — И такъ племянница моя воспротивится моимъ желаніямъ и непремѣннымъ приказаніямъ тѣхъ, кои даровали ей бытіе! Не сами ли они учинили сей союзъ, которому ты слѣпо должна себя подвергнуть? Не ихъ ли ослабѣвшія руки старались начертить сіе писаніе, сей священный обѣтъ? . . . Ты не можешь сему возпротивиться, не посрамивъ себя безчестіемъ, преступленіемъ, не сдѣлавъ участниками виновниковъ твоего бытія въ подломъ вѣроломствѣ. Не старайся оправдать себя предо мною, извиняяся своею страстію . . . которую

рую ты должна погасить. Вотъ наше правило, нашъ законъ, наша единственная страсть. Мы оставляемъ любовь симъ простолюдимамъ, которымъ позволено безпрекословно послѣдовать наклонностямъ, ихъ влекущимъ; мы съ тѣмъ единственно возвышены предъ другими, чтобъ обуздывать наши страсти, преодолѣвать себя и жертвовать собою совершенно. Преимущество наше состоитъ въ томъ, чтобы подавать собою примѣръ всѣмъ насъ окружающимъ. Да и подлинно, какую бы могло принести намъ пользу благородство, естьли бы мы не принуждены были покупать оное цѣною высочайшихъ добродѣтелей? Артуръ Монтобанъ происходитъ изъ дому равнаго нашему: ступай къ Олтарю; дай ему твою руку, и не кажись глазамъ моимъ иначе, какъ только супругою Артура, или . . . что хочу я сказать! Я лучше желаю, такъ! лучше желаю видѣть тебя во гробѣ, нежели живущую для того, чтобы отвергать союзъ . . . Ты не имѣешь другаго намѣ-

 ре-

ренія . . . . какЪ повиноваться своей должности. — АхЪ, Государь! вскричала Аликса, погружаясь вЪ слезахЪ и обЪемля колѣна Маршала: удостой меня вниманія . . . Ты мой отецЪ; я познаю сіе по опытамЪ милостей, которыми ты меня осыпаешь. Я осмѣливаюсь спросить, могли ли располагать моею рукою, не посовѣтовавшись сЪ сердцемЪ, которое теперь терзается отвсюду? НѣтЪ сомнѣнія, что родители мои были мнѣ любезны: я сохраняю, я люблю, я благословлю память ихЪ; они бываютЪ всегдашнею причиною моихЪ сѣтованій и моихЪ слезЪ; я также сЪ благоговѣніемЪ уважаю ихЪ соизволеніе: но должность моя велитЪ ли мнѣ сдѣлаться на вѣки злополучною? ибо непрерывное бѣдствіе и всегдашнее мученіе ожидаютЪ меня вЪ семЪ союзѣ, которымЪ связать меня желаютЪ. Почто родители мои дозволяли мнѣ видѣть Бретаньскаго Принца? Почто сносили они его посѣщенія, его разговоры? Не величество его вдохнуло вЪ меня любовь. Естьли

бы

бы ты его зналъ, естьли бы, такъ какъ я, читалъ въ его сердцѣ . . . — Ты не будешь имѣть инаго супруга, кромѣ Артура. Я уже тебѣ сказалъ, смерть твоя . . . . — Увы, любезный дядюшка! лучше стократно умереть, нежели исполнить варварское сіе обѣщаніе; по крайней мѣрѣ да будетъ позволено мнѣ въ отдаленности отъ Двора, въ отдаленности отъ всего міра, скрыть въ глубокомъ уединеніи тоску меня снѣдающую; тамъ живучи для себя самой . . . — Для тебя! ты не принадлежишь себѣ; ты принадлежишь обществу, родственникамъ, чести; ты ихъ раба . . . . и будешь ихъ жертвою. „

Маршалъ сказавъ сіе немедленно ушелъ, оставивъ Аликсу простертую еще къ стопамъ его, и испускающую одни вздохи, рыданіемъ прерываемые.

Герцотъ приказываетъ своему брату явиться во дворецъ. Принцъ горя нетерпѣливостію прибѣгаетъ; онъ не сомнѣвался ни мало, что наступаетъ

каетЪ та минута, вЪ которую начнется его щастіе; онЪ стремительно входитЪ вЪ покои. — „Я неукоснительно исполняю повелѣнія моего Государя и моего брата; онЪ равномѣрно долженЪ немедленно рѣшить судьбу, самую жизнь мою; ибо смерть или жизнь онЪ мнѣ теперь даруетЪ. — Любезный братЪ! отвѣтствуетЪ ГерцогЪ, ты не долженЪ сомнѣваться вЪ моемЪ кЪ тебѣ благоразположеніи; оно непремѣнно: но братЪ твой, прежде нежели внимать долженЪ крови, есть Государь. Я долженствую удовлетворять моимЪ подданнымЪ, правосудію; должность моя состоитЪ вЪ томЪ, чтобы жертвовать самимЪ собою для наблюденія ихЪ выгоды. Я видѣлЪ Маршала Динана: онЪ непреклоненЪ. МонтобанЪ получилЪ его согласіе, и согласіе всея фамиліи; МонтобанЪ, не смотря на тебя, не смотря на меня, будетЪ супрутомЪ Аликсы. Ты долженЪ себя преодолѣть и послѣдовать моему примѣру.

ПринцЪ,

Принцъ, схватившись за ефесъ своей шпаги, — я не имѣю, сказалъ, другой помощи, кромѣ сего желѣза, и оно отмститъ за меня дерзновенному Артуру!.. Мнѣ уступить ему Аликсу!.... Жестокой! ты больше не братъ мой, ты мой тиранъ, мой мучитель.. Но я знаю... я не имѣю нужды въ твоей власти... Ахъ, дражайшій братъ! сія ли есть награда за мою къ тебѣ нѣжность? — Ты имѣешь причину называть меня своимъ братомъ; я охотно желаю скрыть отъ тебя названіе Государя: ты не съ Государемъ говоришь, тобою оскорбляемымъ; братъ твой, другъ твой преданнѣйшій сожалѣетъ теперь о твоемъ состояніи, затворяетъ слухъ свой отъ хулы твоей, и плачетъ вмѣстѣ съ тобою! Проливай, проливай слезы твои въ обьятія мои; жалуйся на судьбу, обвиняй нещастное созвѣздіе, вселившее въ тебя сію страсть... которую ты долженъ совершенно истребить. Мы должны жертвовать собою нашимъ подчиненнымъ. Вмѣсто того, чтобъ стараться сдѣлать Мар-

 шала

шала вѣроломнымъ, мы должны, любезный братъ, подкрѣпить данное имъ обѣщаніе. Я тебѣ сказалъ уже, долгъ мой заставляетъ меня пренебрегать все, жертвовать самимъ собою для того, чтобы истинна торжествовала. Сердце мое терзается, когда я причиняю мученіе твоему, принужденъ будучи сдѣлать тебѣ отказъ, котораго чувствую я всю жестокость. Но, Принцъ, поставь себя на моемъ мѣстѣ, и скажи, что я долженъ дѣлать? я полагаюсь въ томъ на твое опредѣленіе, рѣши. . . . Ты смущаешся! . . . Я увижусь съ Графомъ Ришамонтомъ; ты долженъ положиться на его глубокую мудрость; онъ тебя любитъ, онъ знаетъ законы чести: я поручаю тебя его совѣтамъ и собственному твоему разсудку.„

Любовникъ Аликсы предается всему стремленію своего гнѣва; онъ бросается за Герцогомъ: — „Любезный братъ! . . . варваръ! . . . тебѣ больше ничего не остается, какъ только обагрить руки свои моею кровію . . . Лиши лучше меня жизни, но оставь

Аликъ-

Аликсу. . . . Онъ мнѣ не внемлетъ! меня оставляетъ! . . . Нѣтъ, Артуръ, дерзновенный соперникъ. . . ты не будешь имѣть преимущества. Пускай Бретань, пускай вся вселенная вооружится въ твою защиту, ты не избѣжишь моей ярости! . . . . Страшись ея дѣйствія; ты не будешь наслаждаться своею побѣдою: я сражу тебя и исторгну изъ рукъ твоихъ твою добычу, хотя бы былъ ты при подножіи Олтарей.„

По томъ летитъ онъ къ дѣвицѣ Динанъ; не смотря на служителей, которые хотѣли его остановить, пробѣгаетъ онъ многіе покои и спѣшитъ повергнуться къ ногамъ Аликсы, которую находитъ онъ одну погруженную въ глубочайшей тоскѣ. — „Къ тебѣ, единственный предметъ моего обожанія, я прибѣжище пріемлю; братъ мой, Бретань, люди, земля, небо, все меня оставляетъ, мнѣ измѣняетъ, все готово погубить меня. Не уже ли и любовь востанетъ противъ меня? Ахъ, дражайшая Аликса, единый предметъ, пригвождающій меня къ жизни! ты видишь меня издыхающаго, пора-

 жен-

женнаго чувствительнѣйшими ударами; бытіе мое зависитъ отъ одного вздоха: но попустишь ли ты, чтобы вздохъ сей, любовію моею исполненный, вырвался изъ груди моей? Такъ, Герцогъ . . . какъ сильно заставляетъ онъ меня чувствовать бремя верховной власти! Герцогъ соединился съ Маршаломъ, съ моими врагами, чтобъ меня терзать. Онъ, повѣришь ли ты тому? онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ отказаться . . . нѣтъ силы окончать; нѣтъ, не стерплю, чтобъ другой носилъ на себѣ имя твоего супруга . . . Я прибѣгаю . . . ты одна можешь рѣшить судьбу мою; я испрашиваю у тебя одного слова, одного взора . . . по крайней мѣрѣ одна твоя рука пронзитъ мое сердце! — Встань, Принцъ, выслушай меня и вооружись всею твоею бодростію. Раны, которыя я должна тебѣ причинить, давно уже мнѣ чувствительны. Принцъ, безполезно было бы скрывать отъ тебя, какую имѣешь ты власть надъ моимъ сердцемъ. Чрезъ тебя-то, увы! научилась я любить; безъ сомнѣнія

ты

ты отдашь мнѣ въ томъ справедливость. Я не видѣла въ тебѣ брата нашего Государя; величество не внушаетъ любви; сердце мое воспламенилось къ любовнику достойнѣйшему быть любимымъ; добродѣтель подкрѣпляла нашу нѣжность. Мы льстились надеждою преодолѣть препятствія . . . . . Я думала, что родители мои скончавшись оставили мнѣ полную власть надо мною; что мнѣ позволено было уничтожить обѣщаніе учиненное безъ моего согласія; что наконецъ я могла располагать своею рукою и своимъ сердцемъ . . . мнѣ пріятно было питать толико лестное заблужденіе . . . . Но сія бѣдственная любовь мнѣ измѣнила! Маршалъ, мой дядя, которому родители мои поручили всѣ свои права надо мною, открылъ мнѣ глаза и показалъ то обязательство, которому непремѣнно должна я себя подвергнуть. Должность моя, честь, сродники къ сему меня принуждаютъ; родители мои вопіютъ ко мнѣ изъ нѣдръ смерти, что слово

ихъ есть мое; что не въ моей волѣ состоитъ выборъ; однимъ словомъ, что они невозвратно рѣшили судьбу мою, и Артуръ . . . . . долженъ получить мою руку . . . — И ты ему оную отдаешь? — Увы! какъ, какъ могу я избѣгнуть жестокости моего рока? Такъ, Принцъ, такъ, другой получитъ мою руку. Но могу ли я присоединить къ сему сердце . . . . — которое не знаетъ любви, прерываетъ стремительно Принцъ. Вѣроломная! ты говоришь о обѣщаніи, которое тебя связываетъ: ахъ! развѣ за ничто считаешь ты клятвы нѣжности, которой почиталъ я себя достойнымъ? Честь, говоришь ты, требуетъ сей жертвы; но любовь, любовь такая, какова есть моя, развѣ ничего не значитъ? Ступай, отдай сердце твое тому, кто будетъ владѣть твоею рукою . . . . . Я покажу тебѣ, какъ должно любить.„

Въ сіе мгновеніе Принцъ, пришедшій въ бѣшенство, схватываетъ мечь и направляетъ остріе онаго въ свое серд-

сердце. Онъ хотѣлъ себя пронзить, не смотря на усилія и вопль Аликсы. Голосъ неожидаемый поражаетъ слухъ ихъ: „Постой, постой! . . . я спѣшу возвратить тебѣ жизнь.„ Принцъ познаетъ Тангія. — „Ахъ, любезный братъ! ты меня любишь, и желаешь, чтобы я жилъ! Развѣ не знаешь ты моихъ бѣдствій и ужаснаго моего состоянія? — Я все знаю; я знаю, что Маршалъ склонилъ Герцога на свою сторону; что Монтобанъ торжествуетъ: но Коннетабль, твой дядя, тебя ищетъ. Онъ имѣлъ долгой разговоръ съ Герцогомъ, и безъ сомнѣнія ты имѣлъ въ немъ не малое участіе. — Дражайшій братъ, возможно ли? я получу Аликсу! А ты, государыня . . . ты плачешь обожаемая повелительница моего сердца! ахъ! прости, прости, естьли я казался тебѣ сомнѣвающимся о твоей любви. — Мнѣ ли, Принцъ, отвѣтствуетъ дѣвица Динанъ, должно обвинять тебя въ жестокости? . . Ступай, проси вспомоществованія у Графа Ришемонта; пусть приметъ

онъ насъ въ свое покровительство; пусть склонитъ Герцога, уговоритъ моего дядю, и ты увидишь, умѣетъ ли любить Аликса."

Танги провождаетъ Принца къ Коннетаблю. Сей любовникъ, приведенный въ отчаяніе, перешелъ нѣкоторымъ образомъ отъ смерти въ жизнь. Онъ заставлялъ непрестанно повторять, что жребій его перемѣняется, что обстоятельства начинаютъ ему благопріятствовать. Они приходятъ къ Графу Ришемонту, которой едва только увидѣлъ своего племянника, бросается къ нему и беретъ его въ свои объятія. — "Герцогъ все мнѣ разсказалъ. Мнѣ весьма пріятно, что Танги пришелъ съ тобою; пусть будетъ онъ участникомъ нашего разговора. — Принцъ, я тебя люблю, тебѣ это не безъизвѣстно; ты можешь ожидать отъ дяди своего всѣхъ знаковъ горячности. Но любовь сія не можетъ быть слѣпою. Опытной воинъ можетъ твердостію своею побѣдить юное сердце, предающееся непозволен-

леннымъ слабостямъ. Повѣрь мнѣ, я любилъ, и узналъ, что любовь можно побѣдить, такъ какъ и другія страсти. Какой есть предметъ твоей любви, тобою овладѣвшей, которую ты не стараешься погасить? Племянница Маршала Бретаньскаго, обѣщанная ея родителями и самимъ Маршаломъ одному знатному человѣку, которой смотритъ на нее нѣкоторымъ образомъ какъ на свою супругу; захочешь ли ты разорвать тотъ союзъ, которой почти уже заключенъ? Говорятъ, что бракъ сей основывается на торжественномъ обѣщаніи; а ты, братъ повелителя Бретани, ты, которой самъ нѣкогда можешь царствовать, возпротивишся сему священному обязательству! пожелаешь ли ты явнымъ вѣроломствомъ достать въ объятія свои Аликсу? — Любезный дядя! прерываетъ Принцъ: почтеніе принуждало меня слушать тебя до сихъ поръ. Такъ-то умѣли тебя предупредить! Я не стану повторять тебѣ того, что долженствовало бы оправдать меня въ

 мы-

мысляхъ моего брата. Родители Аликсы разполагали своею дочерью безъ ея согласія. Давно уже мы другъ друга любимъ: любовь моя должна быть увѣнчана бракомъ. Какія ложныя права имѣетъ Артуръ на сіе требованіе? Родители Аликсы уже во гробѣ; она свободна отъ сего рода рабства, которое преступаетъ границы покорности. Маршалъ Бретаньской остается только одинъ, которой по тиранскому своему упорству желаетъ причинить мнѣ и своей племянницѣ вѣчное нещастіе. Я никогда не намѣренъ повиноваться тѣмъ хотѣніямъ, которыхъ Принцъ Бретаньской не долженъ знать. Любезный дядя! я скажу одно только слово, или Аликса моя супруга, и я не буду кромѣ ея имѣть другой, или.... дражайшій дядя, пусть не обременяютъ чувствительности, готовой воспламениться.... Я не буду отвѣчать за мои неистовства. Любовь... какова моя.. Государь... любезный дядя, я обѣемлю твои колѣна, и орошаю ихъ моими сле-

слезами. — Слезами, Принцъ! — Онѣ изображаютъ чрезвычайность моей тоски и безмѣрную страсть, которую побѣдить я не въ силахъ... Ахъ! страшитесь, чтобы сіи слезы не были отмщены; онѣ меня унижаютъ, я въ томъ признаюсь.. но я не почитаю себя достойнымъ укоризнъ. Я люблю, я обожаю Аликсу; одно воображеніе, что она не будетъ моею, приводитъ меня въ отчаяніе. Братъ мой и ты, вы согласитесь.. вы доставите ее въ мои объятія!... Въ противномъ случаѣ я призову на помощь Короля Англинскаго.... — Принцъ! къ сему самому Королю я тебя посылаю; я просилъ о семъ Герцога, и уговорилъ его поручить тебѣ посольство не меньше важное, какъ и знаменитое. Я обязался отвѣчать за тебя. Монархъ Англинской тебя любитъ; воспитанъ будучи при его Дворѣ, ты скоро сыщешь средства пріобрѣсти его къ себѣ уваженіе и довѣренность. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы доставить миръ враждою изнуреннымъ

двумъ

двумЪ народамЪ, которыхЪ продолжительная война вЪ крайнее почти привела разореніе. Никакое посольство не можетЪ быть величественнѣе сего, и тебѣ-то ввѣряется судьба двухЪ первѣйшихЪ вЪ Европѣ народовЪ; тебѣ, которой ропщешь на своего брата, на меня, на Бретань; тебѣ, котораго жестокая любовь возбуждаетЪ; тебѣ, которой вЪ сію самую минуту грозишь мнѣ употребить насильственныя средства кЪ своему отмщенію. . . . . . Подумай, сколько я тебя почитаю. АхЪ, Государь! вскричалЪ ПринцЪ, бросившись вЪ обЪятія своего дяди и проливая слезы отЪ удивленія: ты меня знаешь. ТакЪ, я потщусь заслужить сіе безпримѣрное твое великодушіе; сіи слезы показываютЪ тебѣ, сколь трогаетЪ меня сей великодушной поступокЪ. ТакЪ, я оправдаю сей выборЪ. ПрибывЪ вЪ Англію, я употреблю всевозможныя средства, дабы изторгнуть оружіе изЪ рукЪ двухЪ союзныхЪ намЪ народовЪ, дабы доказать вамЪ . . . что ПринцЪ Бретаньскій, обла-

обладаемый любовію, не сроденЪ кЪ подлымЪ поступкамЪ. Ты имѣешь причину, Государь, думать, что я никогда не соглашусь пожертвовать славою и честію сей жестокой страсти; я спѣшу окончать возложенное на меня дѣло, и исполнивЪ мою должность, потребую я за то награды. Знай, я тебѣ вЪ томЪ клянусь, что нѣтЪ для меня другой мзды, кромѣ Аликсы. — Постой, ПринцЪ, не думай, чтобы я покупалЪ вѣрность твою, лаская твоей надеждѣ; я уже тебѣ сказалЪ, я столько тебя почитаю, что не опасаюсь твоего гнѣва, и первый готовЪ ему подвергнуться. НѣтЪ, я не хочу тебя обманывать; я скажу еще больше: знай, что естьли бы братЪ твой былЪ столько слабЪ, чтобы преклонился на твои желанія, то я бы самЪ вооружился противу оныхЪ. Ты видишь, что я говорю тебѣ сЪ чистосердечіемЪ . . которораго ты, надѣюсь, не употребишь во зло. Послѣ сего признанія, ступай. . . Все, что могу я тебѣ обѣщать, и что честь дозволяетЪ

мнѣ

мнѣ обѣщать тебѣ, для возбужденія тебя къ преодолѣнію сей пагубной страсти, состоитъ въ томъ, что я уговорю Герцога отложить бракъ Аликсы до твоего возвращенія. . . . — Какъ, Государь . . . — Я не намѣренъ больше съ тобою говорить, и ожидаю тебя у твоего брата; не умедли туда притти."

Принцъ остается одинъ съ Тантіемъ. — Вотъ все, чего могу я надѣяться; и думаютъ, что я перемѣню сердце мое, что сія любовь. . . . Я возвращусь больше страстнымъ и твердо рѣшившись жертвовать для нее всемъ. Нѣтъ, Артуръ, нѣтъ! ты не будешь щастливымъ смертнымъ. . . При семъ воображеніи возбуждается вся ярость моя, и . . . что скажешь ты о Коннетаблѣ? Какая непреклонная, ненавистная и достойная въ то же самое время почтенія моего добродѣтель! Съ какимъ намѣреніемъ отправляетъ онъ меня къ Генриху, и какъ умѣетъ онъ меня къ себѣ привлечь! Такъ, безъ сомнѣнія, я готовъ предаться

всѣмъ

всѣмъ беззаконіямъ, естьли бы страсть моя того потребовала; но подлости... Танги, я не обману надежды моего дяди; я окажу услугу мою Франціи, моему отечеству, чести, и возвращусь въ сіи мѣста. Тогда, презирая всѣ обязательства, естьли дерзнутъ заключить сей жестокой союзъ, я не стану слушать ничего, кромѣ праведно раздраженной любви... Но можетъ быть время, время сдѣлаетъ какую нибудь перемѣну.... Почто отчаяваться въ моемъ щастіи? Часто случается, что нечаянное благополучіе послѣдуетъ за долговременымъ нещастіемъ. Естьли Маршалъ Динанъ склонится на мои желанія, то братъ мой конечно не станетъ противоборствовать тому, что можетъ устроить мое блаженство, и самъ Графъ Ришемонтъ... Танги, дражайшій Танги, единый другъ показывающій мнѣ чувствительность! позволь, да утѣшительная надежда подкрѣпитъ дни тоскою снѣдаемые. Участь моя смягчится;

ся: Артуръ . . Артуръ не сочетался еще бракомъ съ Аликсою.„

Герцогъ, равно какъ и Совѣтъ его, не хотѣлъ согласиться на сей выборъ. Они представляли Коннетаблю, что поручить Принцу толь важное дѣло, есть не что иное, какъ вложить мечь въ руки бѣшенаго, и, можетъ быть, подвергать опасности благоденствіе Бретани. Они ни мало не сомнѣвались, чтобы Принцъ не сталъ просить Короля Англинскаго о подкрѣпленіи его требованій и о вспомоществованіи дѣйствіямъ его гнѣва. Генрихъ, говорили они, не отвергнетъ его прозьбы; самая польза его государства соединена съ побудительными причинами частной выгоды. — Какъ мало знаете вы людей! прерываетъ Ришемонтъ: ничто столько не ласкаетъ человѣческому честолюбію, какъ благородная повѣренность: она необходимо внушаетъ почтеніе къ самому себѣ; но всякъ себя почитающій, всемѣрно будетъ опасаться, чтобъ не впасть въ по-

постыдныя преступленія. Измѣна есть послѣдняя степень подлости. Племянникъ мой хотя и рожденъ вспыльчивымъ и къ гнѣву стремительнымъ, но онъ никогда не нарушитъ законовъ честности. Я еще больше возвысилъ духъ его, показавъ ему, что я не опасаюсь, чтобъ онъ употребилъ во зло порученную ему должность. Любимъ будучи Англинскимъ Монархомъ, Принцъ Бретаньской больше будетъ имѣть надъ нимъ власти, нежели кто либо другой. . . . Я отвѣчаю за успѣхъ. Откровенность простаго воина бываетъ надежнѣйшимъ средствомъ, нежели всѣ хитрости политики.„

Францискъ подтверждалъ своему брату обѣщаніе ихъ дяди, что бракъ Аликсы съ Монтобаномъ будетъ отсроченъ. Сверьхъ того Принцу поручено было исходатайствовать у Короля Англинскаго возстановленіе графства Ришемонтскаго, предметъ, долгое время занимавшій мысли Государей Бретаньскихъ; но старанія о семъ употреб-

ляемыя до сего самаго времени оставались безъ успѣха.

Любовь ничего не потеряла изъ своихъ правъ. Принцъ велѣлъ дѣлать пріуготовленія къ своему отъѣзду. Но могъ ли онъ оставить Бретань, не увидѣвшись съ дѣвицею Динанъ? Онъ все готовъ былъ предпринять, чтобы можно ему было хотя одну минуту поговорить съ нею; должно было преодолѣть тысячу препятствій и усыпить бдѣніе стражей, преданныхъ Маршалу: приказы строгіе были отданы. Аликса въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Двора, заключена будучи какъ плѣнница въ нѣкоторомъ замкѣ, имѣла полную свободу воздыхать наединѣ. Она съ трепетомъ ожидала той ужасной минуты, которая долженствовала возложить на нее несносное ей бремя. Она пробѣгала безмѣрнаго пространства садъ, весьма способной къ тому, чтобы питать мрачную задумчивость, сопровождающую всегда злополучную любовь. Не примѣчая окружающихъ ея предметовъ, направляла

она

она ослабѣвшія стопы свои къ уединенной рощицѣ, въ которую съ трудностію могли проницать лучи солнечные. Роща сія раздѣлена была ключемъ кипящей воды, откуда проистекалъ ручеекъ и журчаніемъ своимъ впечатлѣвалъ задумчивость. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сего ручья находилась дерновая лавка; сюда-то приходила Аликса давать себѣ нѣкоторымъ образомъ отчетъ въ тѣхъ различныхъ чувствованіяхъ, которыя ее обременяли. Душа ея, тоскою изнуренная, казалось послѣдовала склоненію сего источника. Нещастные, а особливо любовники, чувствуютъ нѣкоторую пріятность мучить себя тоскою и питаться своими слезами; они прибѣгаютъ ко всему, что только можетъ усугубить ихъ печаль. Для нихъ-то природа устроила сіи уединенныя рощи, сіи густыя тѣни, сіи пещеры, сіи потоки, всѣ сіи дикія мѣста, безгласныя для щастливцевъ, но столь выразительно бесѣдующія съ ду-

душами, коихъ чувствительность подвержена испытанію злаго рока.

Дѣвица Диианъ держала въ рукахъ своихъ письмо Принцово. Она читала его не однократно, и орошая своими слезами, бесѣдовала съ нимъ, какъ будто бы оное могло разумѣть ее и ей отвѣчать. „Бѣдственное писаніе! говорила она: для чего не могу я тебя оставить, удалить тебя отъ моего сердца, въ которомъ ты составляешь неизчерпаемой источникъ сихъ мученій, кои со всемъ тѣмъ мнѣ пріятны? Увы! къ чему служитъ мнѣ сія любовь..,.. коея имени скоро, не будучи виновною, не могу я произносить?.... Я виновна — развѣ сей чистѣйшій пламень для того возженъ, чтобы за него обвинять? Естьли это преступленіе, о Небо! то я уже довольно за него наказана! Еще естьли бы я страдала одна, но Принцъ претерпѣваетъ жестокія мученія . . . Единственный предметъ, занимающій всю мою душу, ахъ! какъ ты мало знаешь зло-

по-

получную Аликсу! Могъ ли ты думать хотя одну минуту, что мое сердце . . . ты обладаешь имъ совершенно, и будешь владычествовать надъ нимъ, я довольно сіе чувствую, до послѣдняго издыханія моего! Я скажу сіе Маршалу, Монтобану, Герцогу, землѣ, небу: всѣ узнаютъ, что я чувствую къ тебѣ столь сильную и мучительную страсть, что не стараясь преодолѣть ее, я бы желала . . . естьли можно воспламенить оную еще болѣе. Нѣтъ, Артуръ . . . жестокой! никакъ не произнесу я сей бѣдственной присяги. Я буду клясться, такъ, буду клясться, что не стану любить другаго, кромѣ Принца, и . . . я умру отъ своей любви. — Ты будешь жить, чтобы могъ я обожать тебя вѣчно. Стократно готовъ я умереть для тебя, обожаемая Аликса; но я не въ силахъ вознаградить тебя ни мало за тѣ страданія, которыя, не смотря на то, что я чувствую, составляютъ пріятность моея жизни."

Аликса пришла отъ сего въ страхъ; но страхъ сей скоро изчезъ: она познаетъ, она видитъ у ногъ своихъ Бретаньскаго Принца, которой схвативъ ея руку, покрывалъ оную своими поцѣлуями и слезами. — „Это ты, Принцъ! . . . ты меня слышалъ? — Развѣ противно тебѣ то, что учинила ты меня щастливѣйшимъ изъ смертныхъ? Думаешь ли ты, что я не заслуживаю любви достойной всякой жертвы? Ахъ! пусть умру я въ сію минуту; познай, увѣрься обожаемая Аликса въ томъ сердцѣ, которое для тебя только дышетъ; я оставляю тебя, и возвратившись стану умолять моего брата, Графа Ришемонта, твоего дядю . . . я паду къ ихъ ногамъ, обыму ихъ колѣна; они не возпротивятся моимъ прошеніямъ, моимъ вздохамъ. . . Любовникъ твой употребитъ всѣ средства, чтобы отвратить отъ тебя рокъ намъ грозящій. Принцъ Бретаньскій не постыдится ничего, естьли сею цѣною можно ему сдѣлаться твоимъ супругомъ. . . По крайней

ней мѣрѣ смерть моя отсрочена: Коннетабль далъ мнѣ свое слово; бракъ твой съ ненавистнымъ соперникомъ отложенъ до моего возвращенія, а тогда . . . ты никогда не будешь въ объятіяхъ Артура. Обѣщай только мнѣ сохранить твою вѣрность, твое сердце. . . . — Тебѣ сохранить мое сердце, Принцъ? ахъ! можешь ли ты опасаться, чтобы оно отдано было другому? Могу ли я отнять одну минуту твоей жизни? Ступай, и будь твердо увѣренъ, что твоя Аликса, . . но, Принцъ, не умедли возвратиться.„

Послѣ сего возобновляютъ они другъ другу торжественную клятву любиться вѣчно, не смотря на всѣ препятствія. Дѣвица Динанъ снимаетъ съ себя одинъ изъ ея браслетовъ, сплетенный изъ ея волосъ, и даритъ онымъ своего любовника, которой принимая съ восхищеніемъ сей подарокъ, осыпаетъ его тысячью поцѣлуевъ, и прижимая его къ груди своей, говоритъ: „Онъ вѣчно пребудетъ неразлученъ съ моимъ сердцемъ, и послужитъ

пе-

печатью нашего обѣта. Знай, божественная Аликса, что я удаляюсь, будучи увѣренъ, что единственный предметъ моего обожанія пребудетъ мнѣ вѣренъ. (Танги ожидалъ его въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда.) Возвратимся, любезный другъ; я на верьху щастія: я любимъ!„

Двое любовниковъ принуждены были разлучиться. Принцъ обѣщаніями своими успѣлъ склонить на свою сторону одного изъ служителей Маршала, которой тайно провелъ его въ садъ. Сей служитель прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что Г. Динанъ пріѣхалъ. Принцъ неукоснительно удаляется, сопровождаемъ будучи Тангіемъ. На сего друга возлагаетъ онъ попеченіе, увѣдомлять его обо всемъ томъ, что относиться будетъ до его любезной; онъ напоминаетъ ему о семъ и въ ту минуту, когда они обѣемлютъ другъ друга при послѣднемъ прощаніи.

Отсрочка брака поражаетъ равнымъ удивленіемъ Артура и Маршала Динана. Они съ поспѣшностію при-

ходятъ во дворецъ и явнымъ образомъ приносятъ жалобы свои Монарху, говоря, что медленіе сіе нарушаетъ законы и правосудіе. Ибо онъ самъ далъ свое согласіе. Герцогъ отвѣтствуетъ имъ, что онъ охотно соглашается объясниться съ ними, хотя Государь и не долженъ бы давать отчета подданнымъ въ своихъ поступкахъ. „Путешествіе моего брата, говоритъ онъ, продолжится не долго, а во все сіе время мы постараемся чрезъ письма привести его къ должному послушанію, и истребить въ немъ страсть; но какъ скоро возвратится онъ изъ Англіи, то справедливость вступитъ во всѣ свои права, и я самъ не умедлю совершить бракъ сей. — Государь! прерываетъ стремительно Маршалъ: когда нужна была тебѣ моя услуга, то я не зналъ ничего, кромѣ своей должности; я оставилъ все, чтобы итти на сраженіе, а ты говоришь объ отсрочкѣ, которая, я смѣло скажу касается до твоей чести. Монархи, подобно подданнымъ, имѣютъ законы

ихЪ связывающіе. Сіи обязательства, Государь, не менѣе священны, какЪ и тѣ, коимЪ мы подвержены; ничто не можетЪ освободить тебя отЪ даннаго обѣщанія: мы оба требуемЪ исполненія онаго.

Однако, не смотря на сіе, ГерцогЪ успокоилЪ М. Динана. ОнЪ говорилЪ ему, что не такЪ, какЪ его Государь, но какЪ другЪ, проситЪ онЪ его согласиться на сію отсрочку. Что касается до Монтобана, онЪ всегда противился, есть-ли можно сказать, прошеніямЪ своего Государя. Рѣдко жестокая любовь хранитЪ предѣлы. АртурЪ любилЪ страстно, и стремительность его характера не уступала вспыльчивости его соперника.

ПринцЪ Бретаньскій весьма милостивый получилЪ пріемЪ отЪ Английскаго Монарха, и предложеніе выслушано было благосклонно. ГенрихЪ признался, что Король его родитель и онЪ весьма желали мира для обоихЪ народовЪ выгоднаго. СверхЪ того сказалЪ Государь сей Принцу, что онЪ можетЪ увѣрить Карла о расположеніяхЪ,

ніяхЪ, вЪ какихЪ онЪ вЪ разсужденіи сего находится, и прибавилЪ, что отправитЪ посольство вЪ Бретань сЪ тѢмЪ, чтобы засвидѢтельствовать Герцогу, коль великое сдѢлалЪ онЪ ему удовольствіе, приславЪ ко Двору его таковаго посредственника, каковЪ былЪ ПринцЪ, котораго онЪ при семЪ случаѢ пожаловалЪ знатною пенсіею. Король Англинскій удостоилЪ его всей своей повѢренности, и учинилЪ почти все то, чего онЪ требовалЪ. ПотомЪ заключивЪ перемиріе на 22 мѢсяца, помышляли о замужствѢ Маргариты д'Анжу, дочери Рене, Короля Сицилійскаго, сЪ ГенрихомЪ, которой послѢ дѢйствительно женился на сей ПринцессѢ. И такЪ больше ничего не оставалось, какЪ только возстановленіе графства Ришемонтскаго, которое кажется подвержено было затрудненіямЪ.

Между тѢмЪ Танги не пропускалЪ ни одного дня, вЪ которой бы онЪ не увѢдомилЪ Принца обЪ АликсѢ. ОнЪ также давалЪ ему точное извѣстіе о

 раз-

различныхЪ хитростяхЪ, кои непріятели его употребляли, дабы очернить его вЪ мысляхЪ Герцога. Но ПринцЪ, единственно чувствительный кЪ тому, что относилось до дѣвицы ДинанЪ, мало занимался коварствами, употребляемыми АртуромЪ и его сообщниками. „Естьли бы я былЪ любимЪ, говорилЪ онЪ самЪ вЪ себѣ, предметомЪ мною обожаемымЪ; естьли бЪ я могЪ быть вЪ ея обЪятіяхЪ, я бы презрѣлЪ щастіе, чести, все! НѣтЪ такой потери, которую бы любовь не могла вознаградить; любовь есть первое благо, источникЪ веселій душевныхЪ! Таковыя-то веселія буду вкушать я сЪ Аликсою! нѣтЪ другаго щастія на землѣ; что и престолЪ, когда онаго не можно раздѣлять сЪ предметомЪ своея горячности?

МонтобанЪ вѣрно былЪ не щастливѣе своего соперника; ибо онЪ подозрѣвалЪ, что ПринцЪ былЪ ему предпочитаемЪ. Однако надѣясь на согласіе Маршала, предстаетЪ онЪ кЪ дѣвицѣ ДинанЪ, которая отЪ сего прихо-

ходитѣ вѣ замѣшательство. — „Смятеніе сіе, государыня, которое силишся ты скрыть, не предзнаменуетѣ ли моего нещастія? Никакое бѣдствіе для меня столько не страшно, какѣ то, что я тебѣ противенѣ, и я страшусь, что преданность моя тебѣ не пріятна; Принцѣ . . . — Престань, Государь, ты получишь ясное доказательство моей кѣ тебѣ довѣренности; я думаю, что ты ея достоинѣ. Тебѣ самому признаюсь я, что почтеніе мое кѣ тебѣ будетѣ непремѣнно, естьли не вѣ моей силѣ состоитѣ любить тебя. — Что препятствуетѣ тебѣ, государыня, платить мнѣ сею страстію за всѣ тѣ чувствованія, какія ты вѣ меня вдохнула, которыя заставляютѣ меня сѣ толикимѣ нетерпѣніемѣ ожидать союза . . . — Онѣ еще не заключенѣ . . . — Маршалѣ . . . я тебѣ уже сказала, что хочу имѣть кѣ тебѣ почтеніе, и на семѣ основаніи намѣрена я открыть предѣ тобою мою душу. Ты говоришь мнѣ о любви, но другой смертной прежде тебя возжегѣ оную

 вѣ

вЪ моемЪ сердцѢ, и я тщетно силилась скрывать сей пламень. Не зная ни малѢйшаго притворства, а болѢе всего опасаясь тебя обмануть, осмѢливаюсь я сама учинить тебѢ сіе признаніе . . . ПринцЪ Бретаньскій . . — Ты наименовала виновника всѢхЪ моихЪ мученій; и такЪ подозрѢнія мои справедливы! я не могу сомнѢваться... Ты забываешь, государыня, что я имѢю торжественное обѢщаніе твоихЪ родителей, согласіе Маршала твоего дяди, изволеніе Монарха, что ты должна дать свое, что ты принадлежишь мнѢ, что Небо уже обЪявило тебя моею супругою. — Небо, Государь! оно - то и влагаетЪ вЪ насЪ склонности, но я не чувствую кЪ тебѢ никакой . . . — Окончай, государыня, окончай; скажи, что ты всею душею меня ненавидишь, что я вЪ глазахЪ твоихЪ кажусь гнуснѢйшимЪ изЪ всѢхЪ смертныхЪ, что ты взираешь на меня какЪ на врага, какЪ на мучителя . . . ТакЪ подлинно, я буду, буду симЪ тираномЪ, симЪ варва-

варомЪ, которымЪ ты гнушаешся, и потщусь отмстить сію ненависть, которой столь мало я достоинЪ. Я не стану больше говорить тебѣ, нѣтЪ, не стану говорить о моей любви, а представлю глазамЪ твоимЪ одно только мое мщеніе, яростное изступленіе... которому предаю я всѣ мои чувства. МаршалЪ, ГерцогЪ то повелѣваютЪ; жребій твой опредѣленЪ. Я не могу заставить себя любить . . . ты, государыня, будешь меня ненавидѣть... Неблагодарная! я буду веселиться слезами, мною извлеченными; буду насыщаться симЪ толико пріятнымЪ для меня зрѣлищемЪ, и сЪ сей самой минуты . . . обожаемая Аликса, ты ли заставляешь меня говорить симЪ языкомЪ? НѣтЪ, нѣтЪ, не думай, чтобы чувствованія мои были столь жестоки; никогда не приближались они кЪ моему сердцу, и никогда не приближатся; изЪ единыхЪ устЪ изторглись сіи выраженія, вЪ которыхЪ душа ни малѣйшаго не имѣетЪ участія. — Безполезно, Государь, повто-

 рять

рять тебѣ; дѣвица Динанъ не съ тѣмъ рождена, чтобъ питать страсть твою ложною надеждою. Обременяй меня упреками, но не будешь имѣть причины укорять въ лукавствѣ и измѣнѣ. Подкрѣпи себя согласіемъ моего дяди и всей моей фамиліи, присоедини къ тому верховную власть, располагай тирански моею рукою: я противопоставлю тебѣ однѣ слезы; но мое сердце, сіе сердце, которое хочешь ты терзать, въ которое внесешь ты смерть, не можетъ быть, да и не будетъ никогда твоимъ. Другой, Принцъ Бретаньскій будетъ въ немъ владычествовать одинъ до самой той минуты, которая освободитъ меня отъ моихъ мученій . . . Послѣ сего признанія, влеки меня къ Олтарю. — Такъ, я повлеку тебя къ оному какъ жертву, назначенную праведному моему гнѣву. Такъ . . . я разтерзаю сіе сердце, которое не могло меня любить, которымъ владѣетъ соперникъ! Пусть придетъ онъ похитить у меня добро, мнѣ принадлежащее; пусть дерзнетъ

онъ

онЪ изторгнуть тебя изЪ моихЪ обЪятій. Я умѣю сразиться! не пощажу крови моихЪ Государей, пролью оную ручьями, омоюсь вЪ ней . . . ты сама . . я пронжу себя тысячью ударовЪ на издыхающемЪ твоемЪ тѣлѣ. Ты одна, ты будешь причиною всѣхЪ сихЪ ужасовЪ. . . . Я предаюсь мщенію сЪ такою же стремительностію, какЪ и любви.„

Угрозы Артура не остались безЪ дѣйствія; духЪ коварства возбудился вЪ немЪ сЪ большею еще силою, и при помощи своихЪ сообщниковЪ АртурЪ вооружилЪ противу Принца самолюбіе его брата. Сія страсть владѣетЪ всѣми людьми можетЪ быть сильнѣе всѣхЪ прочихЪ. Она, приведена будучи вЪ дѣйство вЪ душѣ Монарха, бываетЪ дѣиствительнѣйшимЪ средствомЪ кЪ произведенію неслыханныхЪ крайностей. Злоумышленники увѣрили Франциска, что братЪ его имѣлЪ вЪ разсужденіи его измѣнническія намѣренія, и что онЪ ожидаетЪ только удобнаго случая кЪ произведе-

нію бунта. Не забыли также припомнить ему дружбы его съ Королемъ Англинскимъ, котораго описали они какъ непріятеля, стремящагося напасть на Бретань при первомъ знакѣ Принца. Однимъ словомъ, подлые придворные успѣли столько въ своемъ намѣреніи, что заглушили гласъ природы и разорвали весь ея союзъ.

Генрихъ осыпалъ Принца Бретаньскаго всѣми доказательствами нѣжнѣйшаго дружества; можетъ быть, что побуждали его къ сему нѣкоторыя политическія причины. Совѣтъ Англинскій весьма желалъ, чтобы Франциекъ именованъ былъ ихъ Вазаломъ въ трактатѣ, которой намѣревались заключить съ Карломъ VII. Но какъ бы то ни было, Англинскій Монархъ не щадилъ забавъ и увеселеній, чтобы удержать своего гостя при Дворѣ. Сей не можетъ скрыть отъ Монарха того смятенія, которое онъ до того времени таилъ. Однажды Генрихъ засталъ его съ письмомъ въ рукахъ и про-

проливающаго слезы, которыя старался онъ скрыть. — „Что это у тебя, Принцъ? какія вѣсти ты получилъ? Ты знаешь, что я тебѣ другъ, и сіе самое названіе дозволяетъ мнѣ льститься, что ты ничего отъ меня не скроешь. Польза твоя мнѣ весьма дорога ... — Такъ, Государь, ты видишь мои слезы, ты видишь Принца Бретаньскаго, погруженнаго въ жесточайшей тоскѣ.„

Онъ разсказываетъ Королю начало, послѣдствія своея любви, и препоны ей противополагаемыя. По томъ объявляетъ ему, что Артуръ и его сообщники всячески стараются ускорить бракъ, которой не прежде совершиться долженъ, какъ по его возвращеніи. Сверьхъ того писали къ нему, что Герцогъ готовъ былъ склониться на ихъ неотступныя прошенія, не смотря на Графа Ришемонта, которой держалъ сторону отсутствующаго своего племянника, и которой желалъ, чтобы сдержали данное ему слово. Между тѣмъ дядя сей ежедневно къ нему писалъ и убѣждалъ его погасить страсть, которая еще боль-

больше въ немъ усиливалась. „Вотъ, продолжаетъ Принцъ, какъ смѣются священнѣйшимъ клятвамъ и моему легкомыслію! . . . Я тебя оставляю, и спѣшу воспротивиться сему соединенію, которое никогда не совершится. Доколѣ будетъ у меня капля крови, я употреблю ее къ моему отмщенію. Я не познаю больше ничего, кромѣ моего отчаянія; ничто удержать меня не сильно . . . — Послушай, Принцъ, прерываетъ Генрихъ, я не хочу противиться сему гнѣву, которой есть весьма справедливъ. Вмѣсто того, чтобъ тебя хулить, я хочу оказать тебѣ мою услугу. Какъ! ты имѣешь у себя другомъ сильнаго Монарха, и не захочешь принять отъ него вспомоществованія? У тебя отнимаютъ то, на что имѣешь ты право! Аликса сама желаетъ носить на себѣ имя твоей супруги, а другой союзъ ее ожидаетъ! Нѣтъ такого обязательства, котораго бы ты не долженъ разторгнуть. Говори; мои сокровища, мои войска, вся Англія готова къ твоимъ услугамъ; ступай въ Бретань, и неуко-

укоснительно требуй себѣ Аликсу вооруженною рукою. Такъ поступаютъ люди, каковы мы; бой и кровопролитныя сраженія должны ознаменовать наше мщеніе. Насъ не оскорбляютъ безъ наказанія. — Чувствую, Государь, сей благородный жаръ, съ которымъ ты удостоиваешь столь живо вступиться въ дѣла мои. Безъ сомнѣнія, я люблю, я боготворю Аликсу, и я буду обладать ею, или мой соперникъ, и всѣ дерзновенію его вспомоществующіе падутъ со мною вмѣстѣ, пронзены будучи тысячью ударовъ. Я клянусь въ томъ въ твоемъ присутствіи, предъ лицемъ неба и земли. Но, Государь, забуду ли я то знаменитое посольство, котораго меня удостоили? Я, Министръ, долженствующій пещись о исходатайствованіи мира, я, котораго Графъ Ришемонтъ довольно почелъ твердымъ, чтобы вознестись превыше человѣчества, я внесу войну въ Бретань! Братъ увидитъ меня предводительствующаго страшными иноплеменниками, опустошаю-

полезнымЪ Государю и своему отечеству. НапослѢдокЪ онЪ достигаетЪ эпохи благополучія, котораго ничто горестію бѢдЪ отравить не можетЪ. ВотЪ какія пріятныя мысли ласкали воображенію Принца, и прельщали мысленные его взоры.

ОнЪ приближался уже кЪ Нантесу вЪ провожаніи своихЪ дворянЪ, какЪ увидѢлЪ вЪ нѢсколькихЪ миляхЪ отЪ сего города вблизи одного замка толпу народа. НапослѢдокЪ видитЪ онЪ великолѢпное шествіе, и усматриваетЪ юную особу, погруженную вЪ слезахЪ и окруженную многими женщинами, которыя поддерживали ее своими руками. ОнЪ приближается и познаетЪ... возлюбленную свою Аликсу, которую МонтобанЪ велЪ кЪ Олтарю сЪ согласія ея фамиліи и Франциска, которой уступилЪ неотступнымЪ требованіямЪ своихЪ любимцевЪ. Не возможно описать сего зрѢлища. ПринцЪ, сопровождаемый своими служителями, бросается кЪ дѢвицѢ ДинанЪ, испускаетЪ ужасный крикЪ, видитЪ ее пришед-

шую въ обморокъ, и изторгаетъ изъ рукъ ея женщинъ, вручаетъ ее двумъ Кавалерамъ, на вѣрность которыхъ онъ могъ положиться, и повелѣваетъ, чтобъ она отдана была подъ смотрѣніе одной изъ ея родственницъ, жившей не подалеку отъ мѣста, на которомъ происходило сіе дѣйствіе. Уже сверкали оружія. Артуръ, обьятый бѣшенствомъ, видя похищенную свою добычу, стремится опять оную получить въ свои руки, и предводительствуя своими сообщниками, обращаетъ всю ярость гнѣва своего на малочисленную свиту своего соперника. Сей кричитъ: „Остановись! пусть удержатъ удары. Я одинъ хочу сразиться за Аликсу, и Монтобанъ есть единый предметъ моего мщенія... Ступай сюда, безразсудный! я освобождаю тебя отъ почтенія, какое долженъ ты имѣть къ крови своего Государя! Знатность твоей породы, чрезмѣрность моей любви, вотъ все, что теперь представляется глазамъ моимъ. Я не хочу во зло употребить права моя.

Я люблю, я обожаю Аликсу, и ты дерзаешь мнѣ ее оспоривать! Вступи теперь въ бой съ такимъ человѣкомъ, которой паче всего тебя презираетъ; пускай одинъ изъ насъ обагритъ землю сію кровію. Аликса достанется побѣдителю.„

По томъ мгновенно исторгаетъ мечь свой, понуждаетъ Монтобана учинить то же, и повелѣваетъ, чтобъ никто изъ предстоящихъ не вмѣшивался въ бой ихъ. По томъ говоритъ: „Артуръ, не щади моей жизни, и будь увѣренъ, что я не пощажу твоей!„

Въ минуту началось сраженіе. Они подобны были двумъ ракающимъ львамъ, другъ друга разтерзать стремящимся. Принцъ получилъ рану; кровь его текла ручьями, и предстоящіе хотѣли прервать сраженіе. Смерть! вскричалъ онъ. Я чувствую довольно еще силы, чтобы пронзить грудь своего непріятеля. Бѣшенство воспламеняется съ обѣихъ сторонъ. Монтобанъ повержень на землю; онъ ослабѣвающимъ голосомъ объявляетъ свою кончину; друзья его

под-

поднимаютъ и уносятъ съ собою, когда между тѣмъ побѣдитель, сопровождаемый своею свитою, летитъ къ замку, въ которой отнесена была Аликса.

Дѣвица Динанъ едва пришла въ чувство; она бросаетъ свои взоры на Принца, видитъ текущую его кровь, и паки лишается чувствъ. Самъ Принцъ, которой до сей минуты еще силился сохранить свои силы, колеблется и не подаетъ больше никакого знака жизни.

Аликса открываетъ глаза свои, и останавливаетъ ихъ на своемъ любезномъ. — „Его больше нѣтъ! Я тщетно буду орошать его своими слезами! Я, одна я причиною смерти его. Ахъ, государыня моя! (обращая рѣчь свою къ своей родственницѣ) прими послѣдній вздохъ мой; я не могу пережить его; я всего лишилась!

Она не могла перенести своей тоски. Едва день сей не былъ послѣднимъ днемъ жизни Аликсы и Принца Бретаньскаго. Напослѣдокъ Принцъ испускаетъ глубокій вздохъ, возвѣщающій

щій, что онѣ еще живѣ. Дѣвица Динанѣ оживаетѣ вмѣстѣ сѣ Принцомѣ, бросается кѣ нему, и, забывая можетѣ быть то, чемѣ должна своей стыдливости, предается всему восторгу своей радости: нѣжнѣйшія выраженія, трогательнѣйшія увѣренія вѣ любви, которой не могли поколебать никакія препятствія, усерднѣйшія старанія, ничто не было забыто. Всѣ сіи причины соединившись, возвращаютѣ жизнь Принцу; онѣ ничего не ожидаетѣ, какѣ только излѣченія своей раны. — Божественная Аликса! минуты для насѣ дороги. Я тогда только буду жить истинно, когда позволено будетѣ мнѣ именовать тебя своею супругою. Предупредимѣ оборотѣ бѣдственной для насѣ судьбины, которая не престаетѣ меня гнать. Естьли жить мнѣ остается только нѣсколько дней, то по крайней мѣрѣ пусть умру я вѣ объятіяхѣ моей любезной. Пускай читаютѣ на моемѣ гробѣ: *Здѣсь заключенѣ прахѣ супруга Аликсы.*

Толь

Толь страстный любовникъ не могъ внимать благоразумнымъ представленіямъ дѣвицы Динанъ. Тщетно представляла она ему пагубныя слѣдствія сего скоропостижнаго брака, заключеннаго безъ соизволенія верховной власти. Принцъ не внималъ ничему, кромѣ жестокости своей любви. Онъ призываетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ дворянъ, и приказываетъ имъ быть свидѣтелями. Одинъ изъ придворныхъ его священниковъ благословилъ бракъ сей. И такъ Принцъ видитъ уже себя на верьху своихъ желаній, обладая предметомъ своего обожанія, и Аликса не видитъ больше ничего, какъ своего супруга, или лучше любовника, достойнаго всей ея горячности.

Артуръ, такъ сказать, восталъ изъ мертвыхъ; ненасытное желаніе мщенія возвратило ему жизнь; пламень бѣшенства его пожираетъ, когда узнаетъ онъ, что щастливый его соперникъ держитъ Аликсу въ своихъ обьятіяхъ; что она связана съ нимъ

союзомъ, которой одна только смерть разторгнуть можетъ. При семъ извѣстіи приходитъ онъ въ отчаяніе, и предается всему тому, что ярость его внушить ему можетъ, твердо вознамѣрившись употребить всѣ средства, каковы бы они ни были, чтобъ погубить Принца Бретаньскаго. Всевозможныя средства приведены были въ дѣйство; ковъ злоумышленія къ тому единственно стремился, чтобы привести къ окончанію начатое съ толикимъ успѣхомъ дѣло. Слабость Франциска удобопреклонна была къ подозрѣніямъ, которыми напоить его желали. Злоумышленники зажгли въ груди его огнь ненависти. Словомъ, братъ его не инымъ чемъ представлялся, какъ возмутительнымъ подданнымъ, котораго казнь неукоснительно долженъ былъ онъ совершить.

Должно признаться, что обстоятельства не благопріятствовали Принцу; женидьба его похожа была на хищеніе, и его удаленіе отъ Двора казалось быть безмолвнымъ доказатель-

тельствомъ, что онъ не достоинъ того, чтобы тамъ являться; сверьхъ того главное обвиненіе, которое старалися прикрыть всѣми видами справедливости, состояло въ томъ, что онъ имѣлъ неограниченную привязанность къ Англинской націи; да и дѣйствительно она ежедневно получала ясные знаки его къ себѣ пріязни. Сверьхъ того онъ былъ столько неблагоразуменъ, что отправилъ въ Лондонъ одного изъ своихъ дворянъ, Томаса де Лескена, съ тѣмъ, чтобъ требовать платежа опредѣленной ему Генрихомъ пенсіи. Въ письмахъ своихъ, писанныхъ къ нѣкоторымъ государственнымъ Министрамъ, жаловался онъ на жестокость къ нему своего брата, и всегда оканчивалъ оныя ропща на скудость своего удѣла. Захваченныя письма не дозволяли Герцогу сомнѣваться въ томъ, что братъ его не старался о примиреніи съ нимъ Двора Лондонскаго. Сія опасность оживила всѣ тѣ ложныя представленія, каковыя коварный Монтобанъ

вла-

влагалЪ вЪ мысли своему Государю. Ему представлялось безпрестанно, что Англичане берутЪ Бретань, и сорвавЪ сЪ него Герцогскую корону, возлагаютЪ оную на его брата.

Между тѣмЪ ПринцЪ, не помышляя ни мало о завладѣніи престола, единственно преданЪ былЪ услажденію, происходящему отЪ обладанія Аликсы. „НѣтЪ, не преставалЪ повторять онЪ своей супругѣ, ничто не можетЪ сравниться сЪ удовольствіемЪ любить и быть любимымЪ. Не братЪ мой царствуетЪ, но я . . . обладаю вселенною! ОдинЪ взорЪ твоихЪ очей, дражайшая Аликса, обворожаетЪ внутренность моего сердца. Душа моя, ахЪ! моя душа есть твоя; тобою одною я дышу! Я забываю всѣ бѣдствія, мною претерпѣнныя, забываю моихЪ враговЪ, Бретань, всю вселенную, и не могу быть больше щастливЪ! — АхЪ, ПринцЪ! отвѣтствовала нѣжная сія супруга: горячность моя столь же дѣйствительна, или еще и больше, какЪ твоя; ты знаешь, что не ПринцЪ

Бре-

Бретаньскій умѣлъ плѣнить меня, но человѣкъ чувствительнѣйшій, человѣкъ достойнѣйшій любви. Повѣришь ли ты, что непрестанная боязнь возмущаетъ мое спокойствіе? Дружба и пріязнь иногда ослабѣваютъ, но ненависть возрастаетъ со временемъ. Враги твои не обезоружены. Артуръ никогда не проститъ тебѣ того, что ты вдохнулъ въ меня любовь . . . которая можетъ быть будетъ для меня источникомъ бѣдствій. Ахъ! какія представленія смущаютъ духъ! Помышляешь ли ты, Принцъ, что Артуръ меня любитъ, что ты былъ его соперникомъ, что ты мой супругъ, супругъ обожаемый? . . . Я всего страшусь отъ мщенія ревностію возбужденнаго! — Обладательница души моей, и такъ я лучше тебя умѣю любить! я не вижу ничего меня окружающаго; да и подлинно, какой иной предметъ, кромѣ Аликсы, можетъ занимать мои мысли, мои чувства? Не безъ причины мнѣ завидуютъ! Я вкушаю верховное благо; удалимъ, удалимъ отъ себя

 спра-

страхи, которые должны изчезнуть, когда я съ тобою.„

Такимъ образомъ щастливые сіи любовники питали радость свою и безпечность. Принцъ провождалъ съ Тангіемъ тѣ минуты, въ которыя не могъ онъ быть съ дражайшею своею Аликсою. Сей вѣрной другъ соединился съ нимъ въ его убѣжищѣ, которое было въ Гильдо (*); онъ безполезно старался вдохнуть въ него сію мудрую и необходимую осторожность, которая весьма различествуетъ отъ притворства. Принцъ явно открывалъ свое неудовольствіе, и осыпая ругательствами любимцевъ, не щадилъ и своего брата. Онъ призвалъ къ себѣ изъ Нормандіи нѣсколько искусныхъ стрѣлковъ, съ которыми упражнялся въ стрѣляніи изъ лука; забава, которую любилъ онъ страстно, и которая была одна изъ причинъ, произведшихъ его погибель. — Герцогу представляли чужестранцевъ сихъ подъ видомъ скрытныхъ

(*) *Гильдо*, одно изъ помѣстьевъ, составлявшихъ приданое дѣвицы Динанъ.

ныхъ шпіоновъ, питавшихъ духъ смятенія и бунта, которымъ возбуждаемъ былъ братъ его; сверьхъ того непрестанно ему твердили, что онъ явнымъ образомъ похвалялся предать Бретань Англичанамъ; присовокупили также и то, что нѣкоторые изъ нихъ введены уже были въ пограничныя крѣпости.

Коннетабль, которому Принцъ Бретаньскій далъ отчетъ въ посольствѣ своемъ, написавъ къ нему обстоятельное письмо, съ негодованіемъ оставилъ Герцога своего племянника. Онъ писалъ къ сему послѣднему слѣдующее: „Во зло употребляютъ твою слабость. „Ты забываешь, что погрѣшности Го„сударей весьма часто превращаются „въ величайшія беззаконія, и ты по „наущенію учинилъ крайнюю несправед„ливость. Не далъ ли ты обѣщанія „своему брату, что до его возвраще„нія рука Аликсы останется неза„висимою? Обѣщаніе сіе не исполнено; „Монархъ учинилъ непростительное „преступленіе и братъ оскорбилъ при-

„роду. Что произошло отЪ наруше-
„нія сего обѢта? Злополучный ПринцЪ
„приведенЪ былЪ кЪ бѢдственной не-
„обходимости, не слушать ничего, кро-
„мѢ стремительности своего нрава.
„И такЪ на СовѢтЪ твой и на тебя
„самого должно упасть посрамленіе,
„произшедшее отЪ его дерзновенія. Ты
„принудилЪ его учиниться виновнымЪ.
„БезЪ сомнѢнія онЪ виновенЪ, я не
„хочу скрывать сего; но должно без-
„пристрастною рукою взвѢшивать доб-
„родѢтели его и пороки, или лучше по-
„грѢшности. ОнЪ наблюдалЪ пользу
„твою вЪ Англіи, твою и государствен-
„ную, сЪ такимЪ благородствомЪ ду-
„ха, кЪ которому немногіе на его
„мѢстѢ были бы способны. Не труд-
„но было ему привлечь ко мщенію сво-
„ему сильнаго Монарха, которой его
„любитЪ, и вступить вЪ отечество
„свое, предводительствуя АнглинскимЪ
„войнствомЪ. Со временемЪ кротостію
„и мудрыми совѢтами можно бы было
„возвратить ему спокойствіе, и по-
„гасить вЪ немЪ бѢдственную страсть,

„ко-

„которой послужитЪ онЪ первою жерт-
„вою. Мнѣніе мое есть, чтобЪ ты
„его простилЪ, призвалЪ ко Двору, и
„особливо, чтобы не слушалЪ ты па-
„губныхЪ наущеній недостойныхЪ лю-
„бимцевЪ. Я узналЪ сей родЪ людей
„столь презрѣнный и опасный: это
„есть неминуемый бичь для всѣхЪ
„царскихЪ ДворовЪ, котораго пагуб-
„ныя дѣйствія я самЪ собою доволь-
„но испыталЪ; политика ихЪ вЪ томЪ
„состоитЪ, чтобЪ овладѣть тобою.
„Не зная сей адской политики, ты
„будешь слѣпымЪ орудіемЪ ихЪ свое-
„нравія, ихЪ похотей и ихЪ злодѣя-
„ній. Они удалятЪ отЪ тебя кро-
„тость, природу, правосудіе. Они
„доведутЪ твоего брата до такихЪ
„поступковЪ, которые собственнымЪ
„глазамЪ его будутЪ мерзки. Повѣрь
„мнѣ, любезный племянникЪ, сколько бы
„мы возвышены ни были, никогда не
„свободны отЪ тѣхЪ обязанностей,
„которыя наблюдать должны всѣ раз-
„умныя существа. Первое согласіе,
„которое МонархЪ тщательно долженЪ

„наблюдать, есть согласіе связующее „его съ своими родственниками. Братъ „твой имѣетъ благородное сердце, онъ „тебя любитъ; ты, какъ старшій „братъ и Государь, долженъ старать- „ся о его исправленіи, подавая ему „собою примѣры мудрости и снисхо- „жденія, и проч.„

Письмо Коннетабля, казалось, тронуло Герцога. Артуръ Монтобанъ, Гингантъ д' Еспинай и нѣкоторые другіе вельможи, сообщники злоумышленія, не умедлили перемѣнить его благоразположеніе. Любимцы не хотѣли явнымъ образомъ противорѣчить человѣку, которой снискалъ такую довѣренность, какъ Ришемонтъ, и который нѣкоторымъ образомъ имѣлъ власть надъ душею Монарха. Они принудили Франциска написать къ Принцу письмо, повелѣвающее ему возвратиться ко Двору. Въ то самое время не преминули они вдохнуть супругу Аликсы хитрымъ образомъ мнѣній, которыя предвозвѣщали ему неминуемую гибель, естьли онъ согласится

на призывъ своего брата. Герцогъ безпрекословно предался всѣмъ ихъ впечатлѣніямъ; письмо его, наполненное несносными укоризнами, поручено было Гингангу, которой принялъ на себя трудъ, доставить оное собственными руками въ Гильдо. Они не сомнѣвались, что всѣ средства къ примиренію были отняты у нещастнаго Принца, и что при чтеніи таковаго письма не можетъ онъ удержаться, чтобы не произнести безразсудныхъ роптаній, которыя тщательно старались замѣчать. Успѣхъ превзошелъ самую надежду сихъ предателей. Гингантъ, прибывъ въ Гильдо, находитъ Принца окруженнаго Англичанами. Онъ вручаетъ ему письмо. Принцъ едва успѣлъ бросить на него взоръ свой, ярость въ немъ воспламеняется, строптивость его нрава показывается во всей своей силѣ. — „Мнѣ писать, чтобъ оскорбить меня до такого степени! забыть, что я рожденъ отъ одной съ нимъ крови, что Принцъ.... Такъ .. онъ меня увидитъ.... Я не умедлю

явиться ему . . . но съ оружіемъ въ рукахъ! . . . Давно удерживаютъ должное мнѣ достояніе . . . Англичане . . . Увы, Государь! вскричала его супруга, что ты говоришь? Что говоришь ты, сердце твое никакъ съ симъ не согласно. — Государыня, я клянусь въ присутствіи мужественныхъ воиновъ, меня окружающихъ: братъ мой не дерзнетъ оскорблять меня безъ наказанія. А ты (обращая рѣчь свою къ Гингангу), естьли бы я не почиталъ того для себя постыднымъ, знай, что неукоснительно бы заставилъ тебя раскаяваться въ твоемъ безразсудствѣ. Мнѣ извѣстно, что ты имѣешь дерзость быть въ числѣ моихъ непріятелей; признаюсь также, что я тебя оскорбилъ, но я думалъ, что ты доволенъ будешь моимъ предъ тобою извиненіемъ; однако сего было для тебя мало. Говори немедленно; я готовъ видѣть въ тебѣ простаго только дворянина. (Гингантъ отвѣтствовалъ на сіе льстивыми выраженіями.) Подлой придворный! не присоединяй низкости къ

вѣроломству. Я не хочу болѣе съ тобою говорить. Будь доволенъ званіемъ Посла, и не умедли объявить Герцогу, какимъ образомъ принялъ я его посланіе; ступай . . . не премини донести ему, что ярость моя не будетъ имѣть предѣловъ.„

Гингантъ выходитъ, и Аликса бросается за нимъ въ слѣдъ. — „Не вѣрь въ томъ Принцу; отчаяніе приводитъ его внѣ себя; сердце его мнѣ извѣстно: увѣрь Герцога, что онъ никогда не премѣнитъ своей къ нему преданности, своей вѣрности.„ Сказавъ сіе, возвращается она назадъ и не можетъ сокрыть безмѣрной своей горести. Танги, Милонъ Бребрассю (сіи послѣдніе преданы были Принцу съ самаго его младенчества) показываютъ ему съ исполненными слезъ глазами все то, чемъ вѣрные слуги должны своему господину, т. е. истинну. —„ Увы, Государь! до какого степени ты себя забываешь! И такъ ты желаешь устроить свою погибель, погибель всѣхъ твоихъ друзей и Принцессы? Гингантъ, будь

увѣренъ, не пропуститъ ни одного слова изъ твоихъ рѣчей. Онъ перескажетъ оныя твоему брату совсѣмъ въ противномъ смыслѣ. Увы! можетъ быть (ибо отъ злыхъ всего ожидать надлежитъ) стараются найти тебя виновнымъ; Принцесса имѣетъ причину; слова твои ни мало не согласны съ сердцемъ. Коликократно повторялъ ты намъ, что Герцогъ тебѣ милъ, что ты любишь свое отечество, что прольешь всю кровь свою для щастія твоей фамиліи и для благоденствія государства. Это не ты говорилъ! но судить о тебѣ будутъ по тому, что неосторожно ты промолвилъ. . . . Ты плачешь! . . . — Такъ, друзья мои, вы видите источники моихъ слезъ. Достойнѣшая супруга! прости, прости твоего любовника; сіи пагубныя слова не могутъ произойти ни отъ чего, кромѣ любви. . . О жестокой нравъ, нравъ, котораго я не въ силахъ перемѣнить и которой доводитъ меня до крайностей! . . . Любезные друзья, дражайшая Аликса! я больше самъ

себѣ

себѣ дѣлаю упрековъ, нежели вы; я готовъ обвинить себя самъ; но Герцогъ . . . знаете ли вы, что онъ грозитъ мнѣ разторгнуть узы . . . Пускай прежде отымутъ у меня жизнь, нежели разлучатъ съ Аликсою . . . . Вѣроломные! сколь умѣютъ они принудить меня живо ощущать ихъ гоненія! сколь коротко они меня знаютъ! Сіи-то жестокіе похитили у меня сердцѣ брата; они влагаютъ въ него подлую и презрѣнную свою душу, я то вижу; я потерялъ его, и потеря сія невозвратна . . . . Духъ мой проникаетъ въ будущее. . . Аликса! пребудь всегда сопряжена съ моимъ сердцемъ, и я готовъ отважиться на всѣ ужаснѣйшія бѣдствія. (Говоря сіе, онъ бросается къ своей супругѣ, сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ и орошаетъ слезами) Сколь велико мое нещастіе! я принужденъ стыдиться самого себя."

Друзья Принцовы воспользовались таковымъ его расположеніемъ; они уговорили его послать письмо къ своему брату, въ которомъ описалъ бы

онъ

онѣ всю свою чувствительность и раскаяніе. Вѣ семѣ письмѣ, касательно до отвѣтовѣ, данныхѣ имѣ Гингангу, извинялся онѣ жестокостію своея страсти, и обѣщалѣ неукоснительно притти повергнуться вмѣстѣ сѣ супругою своею кѣ стопамѣ своего Государя и своего брата, у котораго испрашивалѣ онѣ помилованія.

Таковое униженіе не могло обезоружить ярость Франциска, котораго непрестанно возбуждали ко гнѣву. Онѣ немедленно отправился кѣ Карлу, находившемуся вѣ Шинонѣ. Подстрекаемѣ будучи непримиримыми врагами Принца, онѣ возбудилѣ противѣ него гнѣвѣ сего Монарха, представилѣ его ему подѣ видомѣ ревностнѣйшаго друга Короля Англинскаго, описалѣ готовымѣ кѣ зачатію бунта, и стремящимся разторгнуть узы братства; не забылѣ также упомянуть ему и о мечѣ Коннетабля, которой подносили ему вѣ дарѣ; и напослѣдокѣ уговорилѣ Карла послать отрядѣ войска для взятія сего нещастнаго подѣ стражу.

Гер-

Герцогъ и подлые его сообщники думали, что сей ударъ, властію Короля Французскаго Принцу нанесенный, заставитъ другихъ взирать на него какъ на государственнаго преступника.

Герцогъ Бретаньскій оставилъ Дворъ Французской. Дядя его, Графъ Ришемонтъ, огорченъ будучи поступкомъ его въ разсужденіи своего брата, явнымъ образомъ изъявлялъ свое неудовольствіе, и не хотѣлъ даже посѣтить Герцога. Онъ извѣщается, что ковъ злоумышленія, гибель племяннику его устроющихъ готовится, и что враги его успѣли привлечь на свою сторону могущество и гнѣвъ Монарха Французскаго. Онъ бѣжитъ во Дворецъ. „Правду ли я слышалъ, Государь? гибель злополучнаго Принца утверждена клятвою. Братъ возстаетъ противъ брата, устроеваетъ ему пагубу, и защитникъ гонимой невинности, тотъ, который подаетъ руку помощи всѣмъ ее требующимъ, Король Французской можетъ ли подкрѣплять священнымъ пособіемъ своимъ подобныя злодѣянія?

Ты,

Ты, Государь, можешь быть разрушителемъ Двора Бретаньскаго, и учинить непримиримыми двухъ братьевъ!„

Король любилъ Коннетабля; вмѣсто того, чтобъ огорчиться на него за вольность, съ которою сей великой мужъ говорилъ, онъ былъ тронутъ его печалію. „Любезный братъ! сказалъ онъ, поспѣши предупредить сіе со всею возможностію; въ противномъ случаѣ дѣло будетъ худо, ибо всѣ согласны на то, чтобъ Принцъ Бретаньскій былъ взятъ и преданъ въ руки Герцога, намѣревающагося посадить его въ темницу.„ Графъ Ришемонтъ пораженъ былъ сими словами. Карлъ ему признается, что онъ послалъ въ Бретань 400 человѣкъ воиновъ подъ командою Адмирала Коэтиви, и что сіе войско должно итти въ Гильдо для взятія Принца подъ стражу. Онъ не забылъ прибавить также и то, что сего Принца представили ему подъ видомъ мятежника, которой ни о чемъ не помышлялъ, какъ только найти удобной слу-

случай призвать Англичанъ въ свое отечество, и что сверьхъ того онъ ненавидитъ Французовъ и ихъ Государя. Король крайне огорченъ былъ симъ послѣднимъ поступкомъ Принца. — „Тебя обманули, Государь, тебя обманули. Племянникъ мой столько тебя любитъ, сколько и уважаетъ. Для того единственно, чтобы не быть принужденнымъ принять противъ тебя оружіе, отринулъ онъ приносимой ему въ даръ Генрихомъ мечь Коннетабля. Вотъ жесточайшіе удары, Государь, какими только клевета его поразить можетъ. Я поспѣшу къ нему на помощь, и постараюсь привести его и его супругу къ стопамъ твоимъ; ты увидишь ихъ слезы, и узнаешь изъ собственныхъ устъ ихъ, сколь много они къ тебѣ привержены.„

Графъ Ришемонтской не упустилъ воспользоваться даннымъ ему отъ Короля позволеніемъ; онъ не теряетъ ни одной минуты. Горя нетерпѣливостію достигнуть Бретани, поспѣшаетъ онъ своимъ отъѣздомъ, и желаетъ

хаетъ застать Герцога въ Динанѣ. Онъ видитъ добродѣтельныхъ поверженныхъ въ уныніе, любимцевъ исполненныхъ радости, Герцога пришедшаго въ замѣшательство при его видѣ; напослѣдокъ узнаетъ, что Принцъ взятъ уже подъ стражу.

Жестокая вѣсть сія была весьма справедлива. Принцъ, усыпленной въ глубокой безпечности, и всегда ожидая, что его поведеніе и время примиритъ его съ раздраженнымъ братомъ, предавался невиннымъ забавамъ. Онъ игралъ въ мячь съ своими дворянами, когда увѣдомляютъ его, что воины приближаются къ замку. Какъ скоро узналъ онъ, что войско сіе пришло отъ Короля Французскаго, то повелѣваетъ, чтобы немедленно отворили ему входъ въ замокъ. Едва только узрѣлъ онъ воиновъ, то закричалъ: „Ступайте ничего не опасаясь, и увѣдомьте меня о любезномъ моемъ дядѣ.„ Какой отвѣтъ получилъ онъ на сіе! какую бумагу подаютъ ему! Указъ,

пове-

повелѣвающій взять его подъ стражу. Принцъ сей, испуская тяжелый вздохъ — „увы! я не ожидалъ сего удара отъ сродника, которой мнѣ весьма милъ!„ Конвой требуетъ ключей отъ замка, беретъ золотую и серебреную посуду, и арестуетъ Принца. Супруга его, погруженная въ слезахъ, Танги и всѣ вѣрные его служители, твердо рѣшились послѣдовать ему и раздѣлить съ нимъ его невольничество.

Какимъ негодованіемъ пораженъ былъ Коннетабль! „Монархъ, говоритъ онъ Герцогу, употребляетъ во зло свою власть, и желаетъ погубить невинную жертву, преданную злобѣ подлыхъ его придворныхъ. Братъ, не смотря на союзъ родства, устроеваетъ бѣдствія своего брата и заключаетъ его въ темницу. Герцогъ! я не тебя обвиняю. Мнѣ пріятно еще думать, что природа не совсѣмъ истреблена изъ твоего сердца, что сія оскорбленная природа вопіетъ къ тебѣ: но тебѣ препятствуютъ внимать ея гласу.

Теперь васЪ я вопрошаю, васЪ, которые до такой степени неистовства доводите своего Государя, васЪ, которые ложнымЪ видомЪ прикрываете пользу государственную! ваши злодѣянія, ваши скрытныя коварства, ваши адскіе замыслы, АртурЪ, ГингантЪ д' Еспинай! отвѣтствуйте мнѣ, какія преступленія примѣтили вы вЪ Принцѣ БретаньскомЪ? ОнЪ жалуется на скудость своего удѣла. ОнЪ свидѣтельствуетЪ благодарность свою АнгличанамЪ, которые его воспитали. Я не хочу скрывать его погрѣшностей. МонтобанЪ! я чувствую, что ты долженЪ быть его врагомЪ. ОнЪ есть щастливый владѣтель такой женщины, которую ты любишь; ненавидь Принца, но не присоединяй ненависти кЪ несправедливости. Будь столько великодушенЪ, чтобЪ признать предЪ МонархомЪ сіе за истинную причину, побуждающую тебя желать погибели своему сопернику. И ты, презрѣнный ГингантЪ, питающій вЪ душѣ твоей мщеніе, котораго никакія удовле-

творенія погасить не сильны! требуй у моего племянника, чтобъ онъ удовольствовалъ тебя мечемъ своимъ; онъ немедленно сіе исполнитъ. Жестокіе! произите грудь его, но не умерщвляйте его поносною клеветою; не губите его въ мысляхъ брата его Государя. А ты, служитель Олтарей, столь мало достойный священнаго сего сана! постыдись твоей мерзости, и прими характеръ приличный твоему званію. Повелѣваетъ ли Небо вооружать тебѣ брата на брата? Ахъ, Герцогъ! не слушай ихъ, не слушай; преклони слухъ твой къ сему гласу, которой заглушить ты не силенъ, послѣдуй собственной твоей склонности. Сердце твое, такъ, твое сердце, я въ томъ увѣренъ, умоляетъ тебя, испрашиваетъ у тебя помилованія злощастному, которой неосторожно впалъ въ заблужденія . . . Онъ никогда не учинилъ беззаконія, да и неспособенъ къ оному . . . Я тебя знаю; слабости твои употребляютъ во зло; ты ихъ побѣдишь и будешь послу-

шенъ своей чувствительности. Поспѣши, Государь, поспѣши со мною отворить двери темницы, заключающей въ себѣ твоего брата . . . не укосни простить его, обнять и плакать съ нимъ!„

Герцогъ, тронутый сими представленіями, уступаетъ неотступнымъ прозьбамъ своего дяди. Одинъ изъ его любимцевъ говоритъ ему тихо, и хочетъ воспрепятствовать послѣдовать ему за Коннетаблемъ, которой кричитъ ему: „Герцогъ! сіи измѣнники не истребятъ изъ сердца твоего природы и справедливости; я вижу, что они стараются вложить въ тебя безчеловѣчной свой нравъ. Мнѣ извѣстно то почтеніе, которое должно воздавать тебѣ подобнымъ: но пусть не принуждаютъ Графа Ришемонта преступить границы, которыя онъ охотно самъ себѣ предписываетъ . . . Любезный племянникъ, братъ твой не долго пребудетъ заключенъ въ оковахъ. Ступай, разторгни оныя самъ, или . . . я не внемлю ничему, кромѣ яро-

ярости моей: я освобождаю Принца, и первый, дерзающій противиться моему намѣренію, получитъ смерть отъ руки моей. Графъ Ришемонтъ не попуститъ, чтобъ толикое наносили тебѣ посрамленіе.„

Въ собраніи восталъ ропотъ . . . Вдругъ вбѣгаетъ женщина съ разтрепанными волосами, глаза коея омочены были слезами и на челѣ изображалася тоска; она повергается къ стопамъ Герцога, которой познаетъ въ ней супругу брата своего, и желаетъ ее поднять. — „Нѣтъ, Государь, я останусь, умру у ногъ твоихъ, естьли ты не благоволишь меня выслушать. Увы! мой супругъ, твой братъ повлеченъ въ темницу какъ злодѣй! . . . Государь, меня одну должно наказывать за то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ. Я вдохнула въ него бѣдственную страсть . . . которой я никогда не чувствовала къ Монтобану. Принцъ безъ соизволенія твоего заключилъ бракъ сей, привязывающій меня къ бѣдственной его судбинѣ.

Я, я изнемогаю въ ужасномъ невольничествѣ . . . довольно было мщенія, ибо ты больше его не любишь, его, Государь, которой простираетъ къ тебѣ свои жалобы, которой тебя любитъ, не смотря на несправедливости, которыми онъ угнетенъ. Ахъ! супругъ мой никогда не забывалъ, что ты ему братъ! „

Графъ Ришемонтъ прерываетъ слова своей племянницы. — „Слезы твои не тщетно будутъ проливаться. Пойдемъ, Герцогъ, ты осушишь сіи толь трогающія слезы; дай мнѣ свою руку, склонись на мои представленія и учини величайшее благодѣяніе, которымъ я тебѣ буду одолженъ.„

По томъ влечетъ онъ своего племянника, которой непрестанно оглядывался на своихъ придворныхъ, и, казалось, хотѣлъ узнать изъ глазъ ихъ, нравится ли имъ его поступокъ.

Принцъ, лишенный свободы, сомнѣвался еще въ своемъ злощастіи, и думалъ, не во снѣ ли онъ видитъ все сіе. — „Я заключенъ въ оковы, и для при-

причиненія мнѣ сихъ ударовъ употребили любезнѣйшаго изъ моихъ родственниковъ, величайшаго изъ Государей. Ахъ, братъ мой, любезный братъ!... какое имя произнесъ я? Жестокой! лестное сіе названіе тебѣ не прилично; ты не знаешь больше сихъ нѣжныхъ чувствованій, которыя я къ тебѣ еще ощущаю. Увы! что сдѣлалось съ Аликсою? Безъ сомнѣнія ужасное мое состояніе исторгаетъ у нее слезы; я обременилъ бытіе ея страданіями; вотъ участь нѣжнѣйшаго любовника! Сія самая любовь причиняетъ мнѣ всѣ мои мученія, и дѣлаетъ злополучною Аликсу, обожаемую мною супругу. Естьли бы страдалъ я одинъ, но всѣ сіи удары поражаютъ Аликсу . . . . Не уже ли Небо оставитъ меня? Увы! я живу, живу для одного только мщенія. Король Англинской скоро извѣщенъ будетъ о моемъ заключеніи. Дружество его поспѣшитъ ко мнѣ на помощь; безчеловѣчный братъ, или лучше, жесточайшій тиранъ! чудовища, вдыхающія въ него

духъ

духъ жестокости, превращающіе существо его, я принужу васъ заплатить дорого сіи слезы, вами извлеченныя! токами крови омою я сіи драгоцѣнныя слезы. Нѣтъ больше у меня фамиліи, родственниковъ. Поспѣшите сюда, поспѣшите Англичане! пускай темница моя, пускай вся Бретань учинится мѣстомъ опустошенія и ужасовъ! . . . Что говорю я, злощастный! куда влечетъ меня моя печаль? Ахъ! я бы самъ отвратилъ ударъ, грозящій моему отечеству, моему брату; я подвергнулъ бы еще за нихъ опасности сію жизнь . . . которую вознамѣрились они у меня отнять, которую окончу я подъ бременемъ толикихъ страданій. Дай, Небо, чтобы дражайшая жизнь Аликсы была пощажена; я прощаю все моимъ гонителямъ, только бы не ощущала она чрезмѣрныхъ бѣдствій меня обременяющихъ.„

Принцъ слышитъ нѣкоторой шумъ у дверей темницы; онѣ отворяются и представляютъ глазамъ злополучнаго сего плѣнника, Коннетабля, держащаго

за

за руку Герцога, сопровождаемаго Петромъ младшимъ его братомъ, и Аликсою. За ними последуютъ многіе вельможи. „Я тебя вижу, дражайшая Аликса!„ вскричалъ Принцъ. Она, погружаясь въ слезахъ, падаетъ въ его объятія. „Любезный племянникъ! говоритъ Коннетабль, вотъ братъ твой, котораго я къ тебѣ привелъ; проси у него помилованія, и онъ возвратитъ тебѣ свободу. — У него просить помилованія! унизиться до такой подлости! и въ чемъ же меня обвиняютъ? — Въ злодѣяніяхъ, отвѣтствуетъ Герцогъ, мерзостнѣйшихъ, въ измѣнѣ, въ хищеніи, въ неблагодарности. Ты искалъ вспоможенія у Англичанъ; ты призвалъ ихъ въ свой замокъ; ежедневно писалъ ты къ Генриху, и отъ него получалъ отвѣты. Ты исторгнулъ изъ объятій Монтобана такую женщину, которая отнюдь не должна быть твоею. Не смотря на святость законовъ, ты сочетался съ нею непозволеннымъ бракомъ, и, для увѣнчанія твоихъ беззаконій, ты учинился

мнѣ врагомъ . . . . Ты желаешь погибели всѣмъ тѣмъ, которыхъ удостоиваю я своего покровительства; хочешь отнять у меня верховную власть, а можетъ быть и самую жизнь мою. Мнѣ ли о семъ сомнѣваться? — Ахъ, любезной братъ! прерываетъ Принцъ съ живостію: ты вѣришь, что мнѣ дни твои не столь дороги, какъ дни мои и Аликсины? Вотъ до чего довели тебя подлые придворные! Они похитили у меня твое сердце; природа, природа, сколько бы я ни старался, не можетъ уже въ него войти; ужасная мысль, приводящая меня въ отчаяніе! Нѣтъ, пусть не обвиняютъ меня въ злодѣяніяхъ толико страшныхъ. Я всегда хранилъ къ тебѣ почтеніе, всегда нѣжно любилъ тебя. Правда, я люблю Англичанъ; но это потому, что они пеклись о моемъ воспитаніи: въ ихъ обществѣ почерпнулъ я сей духъ искренности и свободы, который неѵѣдомъ въ сихъ мѣстахъ; ихъ вкусъ, ихъ забавы, учинились моими; ихъ Монархъ есть мой нѣжнѣйшій другъ;

но

но въ семъ я полагаюсь на собственное его свидѣтельство: забылъ ли я когда нибудь, живучи съ нимъ, что я твой братъ, твой первой подданный, племянникъ Короля Французскаго; что Бретань мое отечество? Пусть Генрихъ, пусть вся Англія засвидѣтельствуютъ мою невинность, и клеветники придутъ въ смятеніе. Не могу скрывать, что любовь моя чрезвычайна, что я отнялъ Аликсу у ея похитителя . . . Мы другъ друга любили; ты самъ не далъ ли мнѣ своего слова, что бракъ ея съ Артуромъ будетъ отложенъ? Я смотрѣлъ на сіе обѣщаніе какъ на клятву ненарушимую; и узнаю, что Аликсу влекутъ къ Олтарю. Я вижу ее въ объятіяхъ измѣнника, которой въ мысляхъ твоихъ меня погубилъ: тогда, я въ томъ признаюсь, я не внималъ ничему больше, кромѣ моей страсти, которая погаснетъ не прежде, какъ съ моею жизнію . . . Любезный братъ! не любилъ ли ты когда нибудь самъ? Любовь, любовь все предпринять готова,,

Францискъ, казалось, слушалъ Принца гораздо благосклоннѣе. Тутъ Аликса начинаетъ говорить. — „Я тебѣ говорила, Государь, что я одна только виновна; естьли нужна тебѣ жертва, не ищи ее далѣе, повели, чтобы заступила я здѣсь мѣсто моего супруга. Ахъ! пусть обременятъ меня оковами, пусть пресѣкутъ бѣдное бытіе мое, но только чтобы Принцъ былъ свободенъ, обезоружилъ сію злобу, устремившуюся на его гибель; чтобы ты возвратилъ ему свою любовь, чтобы онъ нашелъ опять брата. Увы! я понесу во гробъ сладкое удовольствіе, естьли смерть моя можетъ быть ему полезна.„

Принцъ прерываетъ рѣчь своей супруги, бросается къ ней и орошаетъ ее своими слезами. Она говоритъ ему тихо: „Пади къ стопамъ твоего брата„ но супругъ ея движеніями своими показываетъ къ сему отвращеніе. Тогда Аликса говоритъ ему только сіе: „Ты меня любишь!„ и Принцъ мгновенно повергается къ стопамъ Герцога. —

„Чего

„Чего ты еще требуешь? — Братъ твой, Государь, повержен предъ тобою. Будешь ли ты неумолимъ?„

Герцогъ смягчился; онъ не можетъ скрыть своего смятенія. Тутъ Аликса, Графъ Ришемонтъ, и Петръ младшій братъ Герцога, упадаютъ къ ногамъ его. Графъ начинаетъ говорить: „Еще ли не можешь ты его простить? Мы не стыдимся унижаться, и дядя твой, Коннетабль Французской, припадши къ стопамъ твоимъ, изпрашиваетъ у тебя сей милости.„

Герцогъ простираетъ напослѣдокъ объятія свои къ плѣннику, котораго узы готовы были разрушиться. Онъ обѣщаетъ забыть все. Природа восторжествовала, и сила крови побѣдила ненависть, возженную толикими злоумышленіями.

Ожидали только минуты, въ которую Принцъ долженъ былъ выйти изъ темницы. Одна супруга его остается съ нимъ. Едва Герцогъ удалился — „Суди, дражайшая Аликса, какую власть имѣешь ты надъ моею

душею! это стократно болѣе, нежели умереть за тебя. Я тебѣ повиновался; при голосѣ твоемъ пришелъ я въ крайнее уничиженіе; но предъ кѣмъ я унизился? Предъ братомъ своимъ, предъ тиранномъ. Примѣтила ли ты? онъ только уступилъ власти, которую имѣетъ надъ нами Коннетабль; съ крайнимъ отвращеніемъ допустилъ онъ меня въ свои объятія; нѣтъ, я никогда не пріобрѣту его дружества. Герцогъ не долго сохранитъ сію чувствительность, которую ты и Графъ Ришемонтъ только могли возбудить... — Какое жестокое сомнѣніе, Принцъ, отравляетъ ядомъ то щастіе, въ которомъ все насъ увѣряетъ? Почто приписывать Герцогу сію свирѣпость? Ахъ! кого бы не тронуло твое положеніе? Нѣтъ сердца толико ожесточеннаго, которое бы могло сопротивляться столь трогающимъ прошеніямъ? Я въ томъ не сомнѣваюсь. Герцогъ опасался показать намъ все то, что ты ему вдохнулъ; но за сіе должно обвинять величество его сана, ко-

которое воспрепятствовало ему смѣшать слезы свои съ нашими. Принцъ! съ сей минуты щастіе наше начинается: враги твои скоро посрамятся. Они будутъ свидѣтелями сего примиренія; они возтрепещутъ: но, повѣрь мнѣ, надобно ихъ простить. Великодушіе твое мнѣ извѣстно, и въ день нашего благополучія всѣ должны быть щасливы.„

Любовника не трудно уговорить. Принцъ истребляетъ подозрѣнія, и предается всему восторгу радости, которою супруга его была напоена. Они предпринимаютъ намѣреніе удалиться отъ Двора, заключить себя въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ, жить тамъ другъ для друга, и услаждаться взаимно своею страстію. „Любовь, говорили они, не есть ли все для двухъ чувствительныхъ сердецъ? Что есть величество въ сравненіи съ симъ чистымъ пламенемъ, которой ощущаютъ всегда съ живѣйшею пріятностію, и которой никогда непремѣненъ? Кто умѣетъ любить, тотъ находитъ всѣ

веселія вЪ душѢ своей; прочія жЪ страсти суть внѢ насЪ. Любовь одна есть истинная страсть сердца; предадимся ея услажденію. О естьли бЪ мы, будучи щастливы сами собою, могли забыть всю вселенную! ВсѢ мученія наши прекратятся.„

Приближеніе множества людей производитЪ шумЪ. „Дражайшій ПринцЪ! идутЪ возвратить тебѢ свободу, вскричала Аликса; не премини прибѢгнуть кЪ обЪятіямЪ твоего брата. И такЪ бѢдствія наши кончились!„

Какая ужасная перемѢна! Стражи предстаютЪ. — „Государыня! мы имѢемЪ повелѢніе васЪ разлучить. — СупрутЪ мой не свободенЪ? — Мы исполняемЪ соизволеніе Государя. Но что долго говорить! извольте только удалиться. — Я поспѢшу кЪ Герцогу, развѢ перемѢнилЪ онЪ свое мнѢніе?„ ПотомЪ обЪемлетЪ она своего супруга, прижимаетЪ ето кЪ груди своей, храня смутное молчаніе, и оставляетЪ его, изпустивЪ болѢзненный стонЪ. Нещастный узникЪ остается неподвиженЪ,

женъ, какъ молніею пораженный, и не прежде выходитъ изъ сего мучительнаго сна, какъ пробужденъ будучи новыми ударами — ему приносятъ цѣпи. — „Цѣпи! мнѣ! цѣпи! (стражи связывая ему обѣ руки, не могутъ сокрыть ощущаемаго ими смятенія). И такъ во всей природѣ одинъ только братъ мой нечувствителенъ! Ради Бога, увѣдомьте меня, чемъ могъ я привлечь на себя толикую несправедливость и возбудить тиранство, и . . . куда вы меня ведете? На смерть? Ахъ, дражайшая Аликса! я тебя больше не увижу!„

Стражи отвѣтствуютъ на сіе нѣкоторыми только знаками состраданія, которые, кажется, дѣлаютъ они противу своего желанія. По томъ берутъ плѣнника, и провождая его изъ Динана въ Реннинъ, а оттуда въ Шато-Бріантъ, и въ другія многія мѣста, наконецъ приводятъ въ замокъ Гардуинай. Не трудно угадать причину сей пагубной перемѣны. Сіе обращеніе Государя къ природѣ не

довольно было твердо, чтобы могъ онъ преодолѣть искушенія, чинимыя ему отъ гонителей его брата. Они не преминули повторить ему всего того, что сей послѣдній, будучи въ крайнемъ изступленіи, сказалъ противъ Герцога; или лучше сказать, они выдумывали мерзостнѣйшія оклеветанія, представляли свидѣтелей, которые доказывали, что намѣреніе сего злощастнаго, учинившагося жертвою злобы ихъ, было ввести Англичанъ въ свое отечество; они дошли даже до того, что явнымъ образомъ обвиняли его, будто онъ учинилъ законопреступное насиліе женщинамъ и дѣвицамъ, которыя подкрѣпляли неистовство его злодѣевъ, и жаловались, что онѣ обруганы; однимъ словомъ, злоумышленники успѣли въ своемъ намѣреніи столько, что вовлекли въ тяжбу сего злополучнаго Принца, котораго хотѣлось имъ найти виновнымъ.

Генерал-Прокуроръ дю Брель получилъ повелѣніе написать его обвиненіе. Сей достопочтенный судья повер-

вергается къ стопамъ своего Государя, представляетъ ему ужасную несправедливость, которую готовъ онъ учинить, и отрекается употребить должность свою на произведеніе сего мерзкаго злодѣянія. Непреклонной Герцогъ требуетъ повиновенія, и ко власти присоединяетъ угрозы. Дю Брель пріемлетъ наконецъ сію ужасную коммисію, но въ похвальномъ намѣреніи, отвратить бурю, или по крайней мѣрѣ уменьшить ея дѣйствіе.

Аликса прибѣгаетъ во Дворецъ, и падаетъ къ стопамъ Франциска. — „Ахъ, Государь! какимъ пагубнымъ случаемъ душа твоя перемѣнилась въ столь короткое время? Ты обѣщалъ, что супругъ мой прольетъ слезы свои въ твои объятія; ты также казался тронутымъ нашимъ бѣдствіемъ, напослѣдокъ ты возвратилъ намъ свою милость: но цѣпи его еще болѣе увеличиваются! онъ влачится изъ темницы въ темницу! Его обвиняютъ тысящею неслыханныхъ злодѣяній, о которыхъ онъ и не думалъ! Естьли

ты, Государь, вознамѣрился отнять у него жизнь, то я предаю тебѣ собственную мою; я лучше желаю умереть, нежели снести столь страшное позорище. . . . Государь! развѣ бракъ мой привлекаетъ на главу моего супруга ярость твою? Увы! могу ли я то выговорить? Я на то согласна: пусть разторгнутъ узы насъ соединяющія, которыя мнѣ столь милы; сердце у меня останется, чтобы обожать его вѣчно. Дражайшій Принцъ! я ли причиною всѣхъ сихъ бѣдствій? . . . Ахъ! пусть лишатъ меня названія его супруги, пусть похитятъ у меня и самую честь, естьли за сію цѣну даруютъ ему свободу! я о единомъ супругѣ моемъ помышляю, забывая себя совершенно, пусть онъ будетъ свободенъ! Откажешь ли ты въ томъ слезамъ моимъ, которыя проливаю я у ногъ твоихъ? Можно ли опасаться, чтобъ онъ захотѣлъ отмстить за себя, чтобъ онъ возбудилъ малое число друзей. . . Увы! нещастные ихъ никогда не имѣютъ. Естьли гонители

его

его страшатся, чтобъ онъ не покусился изторгнуться изъ рукъ ихъ — ибо ты предалъ его неумолимой ихъ ненависти — то я приношу имъ другую жертву: Государь! ты имѣешь въ рукахъ своихъ залогъ, которой будетъ тебѣ отвѣтствовать за моего супруга. — Я пріемлю предложеніе твое, государыня; ты будешь мнѣ залогомъ вѣрности такого брата, которой потерялъ сіе названіе въ глазахъ моихъ: взоры мои открылись, и я вижу весьма ясно, до чего можетъ довести его духъ мятежа и измѣны... — Принцъ измѣнникъ! — Онъ — Государь! тебя обманываютъ; тебя дѣлаютъ виновникомъ страданій брата . . . Онъ всегда тебя любилъ и любить не перестанетъ. Я останусь здѣсь, ожидая всѣхъ казней, естьли малѣйшее обвиненіе моего супруга имѣетъ хотя тѣнь справедливости. Увы! все преступленіе его состоитъ въ томъ, что онъ любитъ меня чрезвычайно. Еще единожды повторяю, я одна виновна, Государь; вотъ надъ кѣмъ должно свершиться

сіе

сіе мщеніе, ревностію воспламененное; пусть Артуръ пронзитъ грудь мою, пусть оковы супруга моего разторгнутся!„

Тщетно Принцесса жертвовала нѣкоторымъ образомъ свободою для возвращенія вольности своему супругу. Сей геройскій поступокъ не облегчилъ ни мало участи плѣнника; дѣло его производилось судебнымъ порядкомъ, и было отослано къ начальникамъ Реннина, для представленія онаго собранію Штатовъ.

Предъ сіе-то священное судилище предсталъ Графъ Ришемонтъ, какъ нѣкій Богъ, поспѣшающій на помощъ къ смертному. Онъ не могъ удержать ярости его возбуждавшей, и въ угрозахъ своихъ на любимцевъ, осыпалъ самого Герцога язвительнѣйшими укоризнами. „Достопочтенные судіи! говоритъ сей великій мужъ, съ тою же неустрашимостію, какую показывалъ онъ въ сраженіяхъ: воинъ совсѣмъ не знаетъ искусства краснорѣчія, а можетъ быть еще и презираетъ

раетЪ оное. Истинна, чтобы оную вамЪ представить, не имѣетЪ нужды вЪ заимственномЪ пособіи. Я не возстаю здѣсь противу того, которой вами повелѣваетЪ; естьли бЪ не внималЪ онЪ ничему, кромѣ своей склонности, то я не былЪ бы принужденЪ приносить вамЪ мои жалобы. Но представЪ судилищу вашему, какЪ предЪ лице верховнаго Судіи и Бога, коего правосудіе неизмѣнно, обвиняю я явнымЪ образомЪ подлыхЪ придворныхЪ, которые ядомЪ своимЪ напояютЪ своего Государя, развращаютЪ его сердце и приводятЪ вЪ заблужденіе разумЪ; которые дерзаютЪ вооружить его противЪ своего брата, противЪ невиннѣйшаго изЪ смертныхЪ; которые напослѣдокЪ кЪ тому единственно стремятся, чтобы погубить моего племянника. Но какія суть доказательства, обличающія его вЪ злодѣяніи? Ложные доносы бѣдныхЪ тварей, коихЪ вѣрность была подкуплена; неправедныя свидѣтельства разпутныхЪ женщинЪ

щинъ (*), преданныхъ общему поруганію. Принцъ, говорятъ онѣ, учинилъ имъ насиліе и похитилъ у нихъ честь. Но кто не знаетъ жестокой его любви къ Аликсѣ? Могло ли то быть въ сіи минуты, когда горѣлъ онъ нетерпѣніемъ исторгнуть свою добычу изъ рукъ соперника, когда возвращался изъ Англіи, и отнялъ у хищника дѣвицу Динанъ; когда стремился онъ къ тому щастію, чтобы дать ей свою руку и обладать ею; могло ли то, говорю, быть, что онъ предавался мерзостнѣйшимъ распутствамъ, которыхъ бы устыдился и самой послѣдній Бретанецъ? За сію единую страсть, которой не могъ онъ преодолѣть, и которой неумѣренность и произшедшія отъ того слѣдствія я самъ охуждаю, поистиннѣ должно обвинять его; под-

(*) *Распутныхъ женщинъ* и проч. Со всѣхъ сторонъ были собраны (говоритъ нѣкоторой Историкъ Герцоговъ Бретаньскихъ) женщины и дѣвицы, кои обвиняли Принца въ причиненномъ имъ отъ него насиліи.

подлинно, онъ учинился виновнымъ въ хищеніи, и больше достойнымъ наказанія, нежели простой человѣкъ: ибо онъ съ тѣмъ произведенъ на свѣтъ, чтобы подавать собою примѣръ кротости и благонравія. Я отнюдь не желаю скрывать его погрѣшности или уменьшать оныя; но онъ любилъ, и былъ любимъ. Кто изъ васъ, государи мои, не испыталъ, въ какія заблужденія можетъ ввергнуть сія страсть? Монтобанъ былъ только ненавидимъ, и Аликса вступила въ союзъ не недостойный ея породы, сочетавшись бракомъ съ братомъ вашего Государя. И естьли потребно было, государи мои, наказаніе, то не довольно ли пострадалъ онъ за сіе преступленіе, которое отравитъ горестію остатокъ дней его? Можете ли вы желать казни жесточайшей? Онъ томится въ оковахъ и есть предметомъ ненависти своего Государя; ибо у него нѣтъ уже брата: самый презрѣннѣйшій изъ человѣковъ, будучи въ равномъ съ нимъ состояніи, могъ

бы смягчить непреклонное правосудіе; а названіе Принца не уже ли воспрепятствуетъ сжалиться надъ его злополучіемъ? Но, дерзаютъ говорить, это есть мятежникъ, устроевающій гибель своимъ соотечественникамъ; и сіе-то неправедное обвиненіе возбуждаетъ весь гнѣвъ мой. Могли ли вы питать между вами толь пагубныхъ клеветниковъ? Мой племянникъ измѣняетъ отечеству, призываетъ Англичанъ въ Бретань, вноситъ огнь и мечь въ сіи страны, въ которыхъ получилъ онъ свое рожденіе и надъ которыми можетъ онъ нѣкогда царствовать! Но гдѣ доказательства, изобличающія сей злодѣйскій умыселъ, превышающій всѣ злодѣянія, достойный жесточайшей смерти, вѣчнаго проклятія? Слова, слова безразсудныя, которыя младой Принцъ произнесъ въ присутствіи одного изъ величайшихъ своихъ непріятелей, и въ какомъ случаѣ? Тогда, когда увидѣлъ онъ Гинтанта пришедшаго къ нему съ тѣмъ, чтобы извѣдать его поступки и узнать

нать тайну его души. Сверхъ того, кто сохранилъ намъ истинну сихъ доносовъ? Гингантъ, самъ Гингантъ, которой безъ сомнѣнія увеличилъ предметы, вмѣсто того, чтобы ихъ уменьшить, который клялся погубить Принца, онъ не довольно чувствовалъ себя великимъ, чтобы забыть ту обиду, которую по его мнѣнію онъ претерпѣлъ. — Впрочемъ не изъ легкомысленныхъ и въ гнѣвѣ произнесенныхъ рѣчей открываются точныя чувствованія. Естьли бы Принцъ дѣйствительно учинилъ заговоръ съ Англичанами, могъ ли бы онъ пребывать спокойнымъ въ своемъ жилищѣ, когда извѣстили его о гибели ему угрожающей? Вотъ письмо Вильгельма Росниля, которой увѣдомлялъ его о ударахъ приуготовляемыхъ ему при Дворѣ Бретаньскомъ. Человѣкъ, вознамѣрившійся предать свое отечество, могъ ли бы соблюсти сію безопасность? Одна только невинность можетъ наслаждаться спокойствіемъ. Племянникъ мой воспитанъ былъ при Дворѣ Лон-

 дон-

донскомЪ; ГенрихЪ удостоиваетЪ его своей дружбы. ОнЪ подносилЪ ему вЪ дарЪ мечь Коннетабля, которой принять онЪ отказался. Ему пріятенЪ образЪ жизни АнгличанЪ; онЪ раздѢляетЪ сЪ ними свои забавы, и по сему-то заключаютЪ, что онЪ забылЪ свою должность, помышляетЪ о законопреступномЪ предательствѢ, питаетЪ ненависть кЪ Государю и отечеству. (ГрафЪ РишемонтЪ обращается кЪ Герцогу.) И такЪ, Государь, выйди изЪ своего ослѢпленія, которое — я имѢю право сказать тебѢ — тебя посрамляетЪ, и помрачитЪ навсегда твое царствованіе. Воззри на невиннаго, котораго подвергнулЪ ты казни, назначенной однимЪ только преступникамЪ; обрати взорЪ твой на злощастнаго, простирающаго кЪ тебѢ свои руки оковами обремененныя, посмотри на своего брата... При семЪ имени ты не велишь, чтобЪ немедленно разторгнули его узы? Ты противишься природѢ, которая вопіетЪ тебѢ, умоляетЪ тебя, которая чрезЪ меня понуж-

нуждаетъ тебя, которая изключитъ тебя изъ числа человѣковъ, естьли ты ей еще не покоришся. . . . И такъ къ вамъ, достопочтенные члены священнаго сего судилища, долженъ я прибѣгнуть; между вами одними найду я людей, которые, когда невнятенъ имъ гласъ крови, смягчатся воплемъ соболѣзнованія. Ахъ! безъ сомнѣнія вы будете чувствительнѣе, нежели братъ не знающій природы; съ сей самой минуты всѣ узы насъ связывавшія разторгнуты: я забываю, что онъ сынъ моего брата. И такъ однихъ васъ умоляю я о моемъ злощастномъ племянникѣ. Онъ ни мало не виновенъ, и только былъ легкомысленъ; онъ предался пагубной страсти, которую немногія сердца могутъ преодолѣть; а хотя бы былъ онъ и виновенъ. . . . самое Небо не прощаетъ ли насъ? Подумайте, что самъ Графъ Ришемонтъ испрашиваетъ у васъ сей милости, который требуетъ отъ васъ оныя какъ слабой награды за услуги, оказанныя имъ

Бретани . . . Вы видите источники моихъ слезъ. . .„

При семъ мгновенно востаетъ общій крикъ: „онъ невиновенъ! пусть разторгнутъ его узы! да будетъ онъ свободенъ! да благоволитъ повелитель нашъ возвратить ему свою милость!„

Коннетабль прерываетъ крикъ сей и говоритъ: „ему и его супругѣ, которую также преслѣдуютъ и лишаютъ свободы!„ Тогда одинъ изъ любимцевъ начинаетъ говорить. „Польза государственная требуетъ сей строгости. — Польза государственная, прерываетъ стремительно Графъ, требуетъ, чтобы владѣющій надъ вами былъ Государь человѣколюбивый, братъ чувствительный, Монархъ правосудный, и чтобы онъ наказывалъ васъ какъ презрѣнныхъ клеветниковъ, которымъ Небо уже слишкомъ много прощало. Племянникъ мой выйдетъ изъ темницы, или жизнь ваша будетъ за него отвѣтствовать! Я унижусь до того, чтобы осквернить руки свои кровію,

ко-

которая не иначе должна пролиться.., какъ подъ руками палачей.„

Коннетабль при сихъ словахъ уходитъ поспѣшно изъ собранія. Виконтъ Роганъ подходитъ къ Герцогу. — „Могу ли, Государь, говорить я послѣ Графа Ришемонта? Ты долженъ знать, что я, яко сродникъ Артура, могъ бы вступиться въ его дѣло; но я первый охуждаю гоненія, которыми угнетаетъ онъ Принца; я учиню еще болѣе: съ сей самой минуты я сдѣлаюсь явнымъ его врагомъ, естьли онъ самъ не упадетъ къ стопамъ твоимъ, для возбужденія въ сердцѣ твоемъ братской любви. Такъ, Государь, я самъ заклинаю тебя, умоляю возвратить свободу Принцу. Я забываю поношеніе, учиненное Монтобанскому Дому, и предаю душу мою однимъ только чувствованіямъ сострадательности и соболѣзнованія, которыя должно возбудить бѣдственное состояніе Принца твоего брата.„ Виконтъ повергается къ ногамъ Франциска, и приводитъ

все

все собраніе въ крайнее сожалѣніе о Принцѣ.

Графъ Ришемонтъ не сомнѣвался, чтобы слова его не имѣли щасливаго успѣха, котораго должно было ожидать отъ нихъ. Онъ получаетъ письмо отъ Короля Французскаго, которой повелѣвалъ ему безъ малѣйшаго медленія возвратиться къ своему Двору. Англичане новыя дѣлали покушенія для завладѣнія тѣми мѣстами, которыя мы отняли у нихъ. Коннетабль, въ честь поставлявшій себѣ точное исполненіе своихъ должностей, поспѣшаетъ къ Карлу, оставивъ въ Бретани друзей, взявшихъ на себя стараніе о продолженіи его дѣла, которое казалось ему почти приведеннымъ уже къ окончанію.

Штаты не хотѣли учинить приговора о дѣлѣ толь великой важности. Между тѣмъ Принцъ всегда стеналъ въ оковахъ, и супруга его, благодаря бдѣнію ихъ гонителей, не менѣе мучилась, какъ и онъ. Погибель ихъ приближалась! Сердце Франциска пребы-

вало

вало упорно въ своемъ ожесточеніи, и любимцы его, помощію проклятыхъ своихъ козней, предускорили малѣйшія обстоятельства обращенія къ чувствительности. Это одно изъ несовершенствъ естества человѣческаго. Гораздо труднѣе возвратиться къ чувствительности и добродѣтели, нежели впасть въ порокъ и въ сіе безчувственное хладнокровіе души, которое доводитъ насъ до жестокости. Отъ ожесточенія человѣковъ проистекаютъ всѣ ихъ злодѣйства; сдѣлай ихъ чувствительными, и тогда не за что будетъ укорять ихъ, кромѣ погрѣшностей.

Герцогъ съ помощію подлыхъ своихъ повѣренныхъ разсѣвалъ при Дворѣ Французскомъ слухи, изображавшіе его брата самыми худыми красками. Онъ хотѣлъ сдѣлать Карла участникомъ сей ненависти, къ насыщенію своему стремящейся. Не доволенъ будучи Штатами, и видя, что дѣло основано было на слабыхъ доказательствахъ, хотѣлъ употребить иную до-

рогу для достиженія своего намѣренія; съ прискорбіемъ видитъ онъ, что не льзя ему обойтись безъ помощи своего Генерал-Прокурора. И такъ посылаетъ за дю-Бремемъ, котораго сперва осыпаетъ онъ ласкательствами и сулитъ ему блистательнѣйшее щастіе. „Государь! сказалъ ему сей почтенный судія, чемъ заслужилъ я сіи милости отъ своего Монарха? — Не льзя по достоинству наградить тебя за любовь твою къ правосудію, и сей-то справедливости я требую теперь отъ тебя. Тебѣ не безъизвѣстно, что я оскорбленъ, и что намѣреніе мое есть наказать виновнаго; безъ сомнѣнія, ты будешь имѣть мои глаза; ты не станешь смотрѣть иначе на Принца Бретаньскаго, какъ на преступника, котораго должно предать мечу правосудія . . . Я уже тебѣ сказалъ, щастіе и покровительство, мною обѣщанное, тебя ожидаетъ; всѣ милости изліются на тебя, на твою фамилію . . . — И ты, Государь, говоришь, что я рачительно исполняю мою долж-

должность и точно наблюдаю правосудіе? Но сохраню ли я сію непорочность, естьли въ сію минуту уступлю твоимъ желаніямъ, которыя впрочемъ съ благоговѣніемъ почитаю? Буду ли я достоинъ того званія, которое ты поручить мнѣ благоволилъ? Государь! Монархи суть превыше человѣковъ, но законы превышаютъ и ихъ. Я готовъ потерять жизнь для засвидѣтельствованія моей къ тебѣ преданности: но нарушить справедливость ... Самъ Богъ — естьли бъ понятія правосуднѣйшаго Существа можно было соединить съ понятіемъ толико гнусным и противнымъ — самъ Богъ, говорю, не могъ бы принудить меня уклониться отъ сей правоты, которая должна быть душею судіи. Послѣ сего признанія, Государь, чего требуешь ты отъ меня? Правосудія? Я оное учинилъ: братъ твой не будетъ болѣе заключенъ въ темницѣ. Я не долженъ, я, которой ни на что кромѣ непремѣнной власти законовъ не смотрю, не долженъ, говорю, быть

 про-

тронутъ соболѣзнованіемъ, смотрѣть на породу, на младость Принца, представлять тебѣ, что онъ рожденъ отъ одной съ тобою крови, что природа вопіетъ къ тебѣ. Я не смотрю ни на достоинство, ни на возрастъ; не смотрю ни на что, не слушаю ничего, кромѣ истинны; ты учинилъ меня защитникомъ ея. И такъ я долженъ тебѣ сказать, что однихъ доносовъ не довольно къ обвиненію Принца; а хотя бы онъ и дѣйствительно былъ виновенъ, то знай, что законы отнимаютъ у старшаго брата право наказывать яко преступника младшаго; и такъ ты не можешь судить по уголовному дѣлу Принца.„ Герцогъ, яростію возбуждаемый, прерываетъ дю-Бреля: „Ты противишся власти? — Я повинуюсь, Государь, гласу законовъ и совѣсти. Нѣтъ Монарха во вселенной, которой бы могъ заглушить сей голосъ, которому должны внимать всѣ смертные. — Какъ! я знаю . . вся ярость гнѣва моего . . . — Вотъ голова моя, Государь, голова посѣдѣвша

шая въ отправлении судопроизводствѣ: рази, да падетъ она къ стопамъ твоимъ; я живу уже семдесять восемъ лѣтъ, и не могу посрамить тѣхъ немногихъ дней, которые остается мнѣ прожить; ты не захочешь, чтобы послѣднія минуты вѣрноподданнаго раба твоего были обезчещены вѣчнымъ поруганіемъ. Жизнь моя, я тебѣ оную предаю; но моя честь, вотъ истинное бытіе мое, и никакая власть отнять его у меня не сильна . . . Ахъ, Государь! я не могу удержаться отъ слезъ; не судія говоритъ тебѣ, но человѣкъ, человѣкъ пріемлющій искреннѣйшее участіе въ твоей пользѣ. Нѣтъ, Государь, нѣтъ, повелитель мой, ты не можешь быть неправосуднымъ, варваромъ, неумолимымъ; тебя обманываютъ и во зло употребляютъ твою довѣренность. Такъ-то развращаютъ Государей! Подлые придворные стараются развратить твое сердце, которое Небо сдѣлало человѣколюбивымъ, кроткимъ и готовымъ къ сободѣзнованію. Ахъ! я видѣлъ любовь

твою къ Принцу твоему брату; онъ раздѣлялъ твои забавы. Часто слыхалъ я отъ тебя, что братъ сей будетъ всегда тебѣ милъ. Правда, онъ впалъ въ заблужденіе; но какой человѣкъ оному не подверженъ? Будь снисходителенъ, Государь; кротость приходитъ къ намъ съ небесъ, но ненависть и неукротимый гнѣвъ суть изчадія ада. Воззри на злощастнаго своего брата, стенанія свои къ тебѣ простирающаго, и изъ мрачныхъ нѣдръ темницы испрашивающаго у тебя со слезами помилованія. Хотя бы онъ былъ и дѣйствительно виновенъ, то само Провидѣніе простило бы его . . . Я объемлю твои колѣна. — Удались, непокорный подданный! -- Скажи лучше, Государь, подданный, которой бы не пощадилъ своея жизни для твоего успокоенія. — Я не имѣю нужды въ твоихъ совѣтахъ, ни въ твоей помощи, и могу безъ тебя совершенно удовлетворить праведному моему гнѣву. — Страшись, Государь, угрызеній совѣсти; они не щадятъ и Государей. —

Бойся

Бойся мщенія моего. — Я буду его ожидать.„

Дю-Брель при сихъ словахъ уходитъ и оставляетъ Герцога яростію кипящаго. Иногда Государь сей помышлялъ о пагубѣ сего почтеннаго старца, но скоро перемѣнилъ онъ свое намѣреніе. Порочный, вопреки самому себѣ, ощущаетъ уваженіе къ добродѣтели, и чрезъ то самое мучится во внутренности своего сердца. Францискъ, отчаявшись успѣть въ обвиненіи Принца явнымъ судопроизводствомъ, оставляетъ сіи средства, и, по согласію презрѣнныхъ своихъ обольстителей, выдумываетъ новыя коварства для устроенія ему погибели.

Оковы плѣнника крѣпятся. Угнетенный толикими нещастіями, жалѣлъ только онъ о бѣдственной участи своея супруги. „Она страдаетъ со мною! восклицалъ онъ, и ея страданія болѣе мнѣ чувствительны, нежели собственныя мои; не довольствуясь одною жертвою, изливаютъ они еще на Аликсу всю жестокость

свою; они наказываютЪ ее за ту любовь, которую буду я питать кЪ ней до послѣдняго издыханія . . . . Подлинно, почто не прибѣгнулЪ я кЪ помощи АнгличанЪ! я бы не зрѣлЪ себя погруженнымЪ вЪ семЪ гробѣ, разлученнымЪ сЪ предметомЪ любви моей, обремененнымЪ оковами . . . АхЪ, жестокой братЪ! сіе ли натура тебѣ вдохнула? Натура, неблагодарной! ты ее никогда не зналЪ. Дражайшій родитель — почто мертвые не могутЪ возставать изЪ гробовЪ? — какой предметЪ поразилЪ бы твои взоры! Естьли бы супруга моя не чувствовала его ненависти, естьли бы Аликса . . . МожетЪ ли она быть щастлива? Бѣдствія, обременяющія тѣхЪ, кои намЪ милы, не причиняютЪ ли намЪ жесточайшаго мученія? Естьли бЪ могЪ страдать я одинЪ и она бы сего не знала, жестокой братЪ! то я простилЪ бы тебѣ всѣ мученія, которыми ты меня отягчаешь; но Аликса, Аликса проливаетЪ слезы, и ты извлекаешь оныя изЪ очей ея!„

Та-

Такими мыслями занимался сей злополучный. Онъ тайно получилъ письмо отъ одного изъ своихъ стражей, которой просилъ его прочитать оное тогда, когда всѣ отъ него удалятся. Нетерпѣливо ожидаетъ онъ сей минуты. Приставы уходятъ. Руки его, не чувствуя препятствія отъ цѣпей происходящаго, стремительно открываютъ письмо. Онъ познаетъ почеркъ, цѣлуетъ его тысячекратно и читаетъ сіи слова:

„Дражайшій супругъ, предметъ „моего обожанія! ты долженъ узнать „о ужасномъ моемъ положеніи; мнѣ „не позволяютъ раздѣлить съ тобою „страшное жилище, въ которомъ ты „заключенъ; мнѣ запрещаютъ соеди„нить слезы мои съ твоими, прижать „тебя къ моему сердцу, стараться о „тебѣ, быть твоею утѣшительницею „и оказывать тебѣ мое усердіе. По „крайней мѣрѣ я смягчила бы твои „оковы; мы бы соединили наши сте„нанія, наши души. Естьли опредѣ„лено тебѣ умереть, то испустили

„бы мы вмѣстѣ послѣднее дыханіе.
„Но повѣришь ли ты тому? Едва по-
„хитили у тебя свободу, я повер-
„гнулась къ стопамъ твоего брата и
„представляла ему себя въ залогъ,
„льстя себя надеждою, что узы твои
„расторгнутся. Я нахожусь теперь
„нѣкоторымъ образомъ въ неволѣ, на-
„блюдаютъ всѣ мои поступки, и при-
„мѣчаютъ даже самыя мои слезы . . .
„но ты все еще неволенъ. Сколько бы
„пріятно мнѣ было умереть, естьли
„бы сею цѣною могла я купить твое
„блаженство! Увы! я погрузила тебя
„въ сію бездну злополучія. Почто я
„тебя любила? Дорого плачу я за сію
„любовь, которая есть усладеніемъ
„моей жизни. Но, любезный Принцъ,
„поелику все прочее утѣшеніе намъ
„возбраняется, станемъ любить другъ
„друга, естьли можно, еще болѣе;
„пусть сердца наши взаимно соотвѣт-
„ствуютъ! Мысли мои стремятся
„всегда къ сей ужасной темницѣ;
„увы! почто я не заключена въ ней
„навѣкъ! Будучи съ тобою, дражай-
„шій

„шій Принцъ, могла ли бы я думать о „мірѣ, о всемъ томъ, что насъ окружаетъ? Не смотря на нашего тирана, мы вкушали бы верховное блаженство. Любовь все украшаетъ! „чертоги, въ которыхъ бы мы принуждены были ежечасно видѣть нашихъ гонителей, были бы для насъ „несносною темницею. И такъ не „остается мнѣ больше ничего, о супругъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ обожаемый! какъ увѣрить тебя въ непремѣнной моей горячности, какъ повторить тебѣ тысячекратно, что „твоя Аликса дышетъ только тобою „и только для тебя. Сердце мое наполненное тобою, наполненное любовію, вотъ все, что состоитъ въ моей власти. Кромѣ слезъ и состраданія, я пособить тебѣ не въ состояніи ничемъ. Ты меня любишь; я „ожидаю отъ тебя яснаго доказательства сей любви. Дѣло тепе ь не „въ томъ, чтобъ удержать гордость, „которая увеличитъ твои бѣдствія; „а твои бѣдствія не суть ли мои?

„Принцъ!

„Принцъ! участь нещастнаго есть „уничиженіе; оно-то есть истин„ное бѣдствіе! Ты долженъ ему покоришься, проливать предъ всѣми слезы, писать къ своему дядѣ, Королю Французскому; не льзя, чтобы „онъ не подалъ тебѣ своей помощи. „Французскіе Монархи всегда были „подпорою нещастныхъ. Не щади словъ, „изобрази себя поверженнаго къ его „ногамъ, испрашивающаго, оставивъ „права своей породы, единаго его со„страданія, единаго человѣколюбія. „Естьли состояніе, въ которомъ я „нахожусь, можетъ учинить трога„тельнѣе сію картину, то представь „меня омывающею слезами его ноги и „вопіющею къ нему какъ къ Богу, „нашему заступнику. Нѣжнѣйшій су„пругъ! не стыдись, сдѣлай еще боль„ше, я тебя прошу о семъ. Для ме„ня, для достойнѣйшей сожалѣнія изъ „женщинъ, ты унижаешся, ты жерт„вуешь собою совершенно. Униженіе „сіе есть крайняя степень величества „души. Пиши непрестанно къ своему

„пи-

„тирану, къ своему брату, письма
„самыя прогательнѣйшія и наполнен-
„ныя покорности; ты его обезору-
„жишь, умилостивишь; мы паки уви-
„димъ другъ друга. . . . Еще единожды,
„супруга твоя, твоя любовница, твоя
„Аликса, испрашиваетъ у тебя сей
„милости; не смотри ни на что, кро-
„мѣ ее, и ты не откажешься испол-
„нить сіе мое желаніе. Признаюсь,
„что сіе весьма тягостно, но ты по-
„казалъ уже мнѣ, что я всего могу
„надѣяться отъ твоей нѣжности; од-
„нимъ словомъ, будь свободенъ, и не
„станемъ изыскивать средствъ. Мы
„любимъ другъ друга и будемъ до-
„вольны сами собою; какая намъ нуж-
„да до другихъ! Прости. Вручитель
„сего письма мнѣ преданъ; отдай ему
„твой отвѣтъ; сверьхъ того поду-
„май, что мы нещастнѣе всѣхъ на
„свѣтѣ. Что касается до меня, то
„я не знаю другаго удовольствія, какъ
„любить тебя.„

Вѣрная твоя супруга.

Принцъ

Принцъ не преставалъ читать сего письма, прижимать его къ своимъ устамъ и орошать своими слезами. Человѣкъ, отъ котораго онъ его получилъ, доставилъ ему случай написать отвѣтъ. Снятыя съ него узы дозволили ему не медля ни мало воспользоваться симъ щастіемъ, и онъ написалъ слѣдующее:

„О чемъ увѣдомляешь ты меня, „обожаемая супруга? Ты также лишена свободы — о Боже! могъ ли я воображать, что я испыталъ не всѣ „еще жестокости судьбы моей! Сіе „злополучіе долженъ я еще претерпѣть. Ты желаешь, чтобы Принцъ „Бретаньскій, чтобы супругъ твой, „который ни мало не виновенъ, до „такой степени унизился и пожертвовалъ собою совершенно? Аликса, Алик„са! я исполню волю твою. Ахъ! въ чемъ „могу я отказать тебѣ, тебѣ, совер„шенно обладающей тѣмъ сердцемъ, „которое чувствуетъ сильный пла„мень любви къ обожаемой Аликсѣ?

„Од-

„Одного бы отъ тебя слова было до-
„вольно; такъ, это есть небесное
„велѣніе. Буду писать къ Королю
„Французскому, къ моимъ сродникамъ,
„къ незнаемымъ мною, къ послѣднему
„изъ смертныхъ, естьли то нужно,
„дражайшая Аликса; буду писать къ
„Герцогу; чего требуешь ты еще боль-
„ше? Нѣжнѣйшая супруга, можешь ли
„ты сомнѣваться въ моей любви? Такъ,
„я пошлю къ сему безчеловѣчному мои
„слезы, самую мою душу, изнурен-
„ную жесточайшею тоскою. Что нуж-
„но еще отъ Принца Бретаньскаго? я
„ни о чемъ не стану помышлять, кро-
„мѣ тебя, любезнѣйшая супруга. Естьли
„ли надобно сказать, что я виновенъ,
„просить прощенія . . . какое слово
„вырвалось изъ устъ моихъ! я то ска-
„жу, стану просить сего толико по-
„стыднаго прощенія, толико унизи-
„тельнаго для истинной гордости; я
„представлю себя какъ презрѣннаго
„раба, поверженнаго предъ варваромъ.
„Прикажешь ли ты еще, чтобъ я на-
„звалъ его своимъ братомъ? И сіе на-

„зва-

„званіе припишу я ему, которой оное „такЪ осквернилЪ, которой онаго „толь мало достоинЪ; буду испрашивать у него помилованія, на колѣняхЪ . . . довольна ли ты, Аликса, и „довольно ли я тебя люблю?

П. П. „Я не говорю тебѣ о всѣхЪ „бѣдствіяхЪ, меня терзающихЪ; я „долженЪ, я хочу щадить твою чувствительность. Естьли бЪ я не страдалЪ „вЪ моей супругѣ, то бы былЪ гораздо менѣе злополученЪ. Когда очи „мои устремятся на твои? Когда „сердце мое прилѣпится кЪ твоему? „Увѣрена ли ты вЪ томЪ, что страстнѣйшая любовь, которую ты вЪ меня „вдохнула, поддерживаетЪ мою жизнь? „Душа моя совершенно предана тебѣ.„

Твой супругЪ и любовникЪ.

Злоба Франциска непрестанно получала новую пищу со стороны злодѣевЪ, его окружавшихЪ, Легковѣрность его всегда сЪ большею жадностію принимала мерзостнѣйшіе и постыднѣйшіе доносы на его брата. Обиженная любовь

бовь неумолима. Артуръ съ своей стороны льстился надеждою, что смерть Принца возвратитъ ему Аликсу. Исполненный сего упованія, летитъ онъ къ Государю, которой его къ себѣ требовалъ; здѣсь находитъ онъ Гинганта и Оливіера дю Мееля, дворянина благопріятствовавшаго дому Монтобанскому, и бывшаго членомъ въ Совѣтѣ Герцога, которой къ симъ двумъ вельможамъ имѣлъ слѣпую довѣренность. Они были явные непріятели Бретаньскаго Принца. „Друзья мои! сказалъ Францискъ, воспламененный бѣшенствомъ: вы видите, правосудіе отреклось сдѣлать мнѣ удовольствіе; довѣренность моего дяди заставила молчать Штатовъ и моего Генерал-Прокурора о жребіи измѣнника . . . котораго твердо вознамѣрился я наказать. Артуръ! тебя оскорбилъ онъ болѣе всѣхъ; онъ похитилъ у тебя твою супругу . . . не можешь ли ты взять на себя отмщенія? — Какъ, всемилостивый Государь — Ты долженъ меня выслушать; ты знаешь, какой

 дол-

долженъ быть конецъ непріятеля, коего судьба въ рукахъ нашихъ . . . . . У меня нѣтъ больше брата.„ Артуръ показываетъ свое негодованіе ; такуюто силу имѣютъ злодѣянія, что могутъ устрашить и самыхъ преступниковъ! — „Всемилостивый Государь! я не стану больше притворяться; я не могу совершенно предаться гнѣву, противу Принца меня возбуждающему; онъ похитилъ у меня все, что только было мнѣ дратоцѣнно; я хотѣлъ бы, чтобы онъ получилъ воздаяніе за всѣ причиненныя мнѣ мученія. Сверьхъ того, я взираю на него какъ на государственнаго преступника, которой стремится предать свое отечество, да и тебя самого, Англичанамъ. Подлинно, онъ заслужилъ смерть; но мнѣ ли ему оную причинить! Артуру Монтобану унизиться до такой степени . . . . . . Государь! могъ ли ты думать когда нибудь, чтобъ я принялъ подобное предложеніе? Я вѣрнѣйшій твой подданный, но я дерзаю учиниться непослушнымъ моему повелителю,

телю, когда возбуждаетъ онъ меня къ дѣйствіямъ, могущимъ причинить мнѣ вѣчное посрамленіе. Повели, дабы Принцъ и я сразились на открытомъ полѣ, и я льщусь надеждою, что съ мужествомъ, приличнымъ достойному кавалеру, вступивши съ нимъ въ бой, пронжу я то сердце, которое возбудило въ груди моей жесточайшее отчаяніе. Истинно благородный человѣкъ не знаетъ другихъ средствъ къ своему отмщенію. Позволь мнѣ удалиться. „

Герцогъ пришелъ отъ сего въ крайнее отчаяніе; онъ не могъ понять причины сего отказа; соперникъ не хочетъ избавиться отъ своего соперника, когда его предаютъ ему во власть. Крайняя слабость доводитъ до крайней жестокости, и сіе самое учинило Франциска гораздо жесточае, нежели самого Монтобана. Сей Государь упорствуетъ въ ужасномъ своемъ намѣреніи, и прибѣгаетъ напослѣдокъ для исполненія онаго къ Гинганту,

 ганту,

ганту, которой, казалось, согласовался на то, чего требовалъ его повелитель.

Сего не льзя утаить, хотя съ крайнимъ прискорбіемъ описываютъ Историки подобныя жестокости. Государь, братъ, стремится до крайности толико ужасной! Но самая Исторія говоритъ здѣсь со всею своею достовѣрностію, и не льзя довольно изъяснить человѣкамъ, до какой степени неистовства доводятъ ихъ страсти ими обладающія, или лучше сказать, слабость ихъ. Францискъ, есть-ли бы окруженъ былъ другими придворными, могъ бы имѣть кротость Антонинову; но онъ учинился омерзѣніемъ потомству.

Тингантъ при первомъ словѣ, означающемъ исторгшееся какъ бы противъ воли его согласіе, почувствовалъ сіи угрызенія толико сильныя, которыхъ никакой человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, избѣгнуть не можетъ. Одинъ Историкъ пишетъ, что Тингантъ былъ придворной, но что имѣлъ онъ нѣкоторыя правила добродѣтели. Едва

успѣлъ

успѣлъ онъ войти въ домъ свой, то немедленно посылаетъ просить Генерал-Прокурора, чтобъ онъ побывалъ у него во время ночи, и чтобы возможное приложилъ старанiе, дабы не примѣтилъ его Оливiеръ дю Меель; ибо имѣетъ онъ сообщить ему весьма важное дѣло. Дю-Брель принимаетъ означенныя предосторожности, и приходитъ туда, куда былъ приглашенъ. Онъ крайне удивился, нашедъ Гинганта погруженнаго въ смятенiе. — Что съ тобою сдѣлалось? Какая блѣдность на лицѣ твоемъ! — Сiе безпокойство, сiе унынiе, все сiе происходитъ изъ глубины моего сердца, возстающаго противъ предпрiятiя. . . Я могу вознесенъ быть на высочайшiй степень щастiя. . . — Но въ чемъ состоитъ дѣло? — Герцогъ предложилъ мнѣ . . . ахъ! ты готовъ меня обвинять. . . . Узникъ его ему въ тягость, и онъ бы крайне доволенъ былъ, естьли бы кто нибудь избавилъ его отъ сего бремени. . . Ты меня понимаешь? . . . Ты обѣщался? — Я отвѣ-

 чалъ

чалЪ нерѣшительно. — Ты колебался сомнѣніемЪ? — Я нахожусь вЪ величайшемЪ затрудненіи; мнѣ поручена тайна моего повелителя; сЪ одной стороны всѣ милости Двора, лестная надежда возвышенія; сЪ другой, я не могу понять, для чего возстаетЪ вЪ душѣ моей жестокое смятеніе? ПринцЪ меня обидѣлЪ, и я бы могЪ за себя отмстить, а сіе самое чувствительно огорченной моей чести. . . — Твоей чести! честь твоя требуетЪ ли, чтобЪ ты исполнилЪ должность палача? Нещастный ГинтантЪ! ты самЪ поставилЪ тѣ сѣти, вЪ кои ты запутался; ты-то вмѣстѣ сЪ МонтобаномЪ посѣялЪ и возрастилЪ вражду между двумя братьями. Положеніе твое, я скажу откровенно, очень бѣдственно. Ты учинишься ослушнымЪ Государю, не исполнивЪ его желанія; разрушишь твое щастіе; подвергнешься опасностямЪ, которыхЪ долженЪ страшиться пришедшій вЪ немилость придворный, имѣвшій полную довѣренность своего Государя: вотЪ что тебя ожидаетЪ,

даетъ, и чего не долженъ я отъ тебя скрывать. Однако со всемъ тѣмъ ты не долженъ ни мало колебаться: лучше прогнѣвать Герцога, нежели раздражить Небо, огорчить совѣсть и человѣчество. Въ сіе-то мгновеніе вопіетъ гласъ его, сей гласъ не престанетъ гнать тебя, хотя бы ты взошелъ и на престолъ, и . . . . повѣрь мнѣ, другъ мой, добродѣтель награждаетъ довольно сердце за претерпѣваемыя имъ бѣдствія. Благоволеніе всѣхъ обладателей міра сего не можетъ сравниться съ тою безопасностію, которая вознаграждаетъ человѣка неподверженнаго укоризнамъ. Хотя бы ты пораженъ былъ ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, но будешь веселиться тѣмъ, что учинилъ доброе дѣло, и что не былъ орудіемъ злодѣянія. Ступай, удались на нѣкоторое время отъ Двора . . . — Оставить Дворъ! — А кто тебя можетъ увѣрить, что Герцогъ самъ не почувствуетъ ударовъ раскаянія? Кровь человѣческая и кровь братняя не проливается безъ наказанія.

нія. Тогда какое удовольствіе для тебя и для самого Государя, что хотѣнія его не исполнены? Онъ одолженъ будетъ тебѣ своею славою, своимъ благополучіемъ, прославленіемъ своей памяти, и одна добродѣтель будетъ основаніемъ твоего возвышенія."

Гингантъ послѣдовалъ совѣтамъ Генерал-Прокурора, и удалился отъ Двора. Францискъ, пришедшій въ крайнюю ярость, видя, что жестокость его была такимъ образомъ обманута, пріемлетъ прибѣжище къ Оливіеру дю Меель, которой будучи ожесточенъ больше, нежели Гингантъ, беретъ съ Робертомъ де Руссель смотрѣніе надъ Принцомъ, и обѣщаетъ все.

Злощастный узникъ сыскалъ средство доставить къ Королю Французскому весьма длинное письмо, содержащее подробное описаніе ужаснаго его состоянія. Онъ писалъ къ Карлу, что три почти года стенаетъ онъ въ узахъ, не имѣя даже свободы оправдать себя; представлялъ ему близкую свою смерть, естьли не возстанетъ

за

за него какой нибудь заступникѣ страждущаго человѣчества, и что кѣ нему только, какѣ кѣ дядѣ своему, посылаетѣ онѣ послѣдній свой вздохѣ. По томѣ поручалѣ ему супругу свою, и безпрестанно обращался вѣ письмѣ своемѣ кѣ сему предмету. Онѣ увѣрялѣ его, что чувствительность погасла уже вѣ душѣ его брата; что онѣ никогда не проститѣ врагамѣ своимѣ того, что они лишили его сострадания, котораго могѣ онѣ отѣ него ожидать; что не смотря на сію жестокую безчувственность, братѣ сей всегда будетѣ ему милѣ. Вѣ заключеніе жь сего письма просилѣ онѣ униженно сего Монарха, призвать его во Францію и быть его судіею. „Ни у кого, кромѣ тебя, говорилѣ онѣ, не требую я правосудія, и отѣ тебя одного ожидаю онаго. Естьли я буду виновенѣ, ты меня накажешь; будучи же невиновенѣ, я буду оправданѣ самою справедливостію.„

Письмо во многихѣ мѣстахѣ было смыто слезами Принца. — Карлѣ

 не

не могъ читать его безъ пролитія слезъ; въ семъ-то положеніи засталъ сего Монарха Камергеръ его Вильгельмъ де Коснивиненъ (*), Кавалеръ отмѣнной добродѣтели. — „Ты плачешь, Государь; сіе письмо... — Увы! письмо сіе получилъ я отъ Принца Бретаньскаго; правда, онъ виновенъ, но онъ нещастенъ! — Ахъ, великій Государь! не тщись погасить въ себѣ сего соболѣзнованія, служащаго украшеніемъ величеству; внемли милосердію, и погаси неправедный гнѣвъ; уступи сле-

(*) *Вильгельмъ де Коснивиненъ*, и пр. Онъ есть одинъ изъ числа тѣхъ людей, коихъ имена должны быть преданы потомству. Сей великодушный дворянинъ не удовольствовался тѣмъ, что защищалъ угнетенную невинность предъ Королемъ своимъ Государемъ, но еще для предосторожности послалъ къ нѣкоторымъ членамъ Совѣта сумму, изъ 2500 ефимковъ состоящую (сумма чрезвычайная по тогдашнему времени), желая склонить ихъ къ принятію Принца Бретаньскаго къ исходатайствованію ему свободы. Усильными прошеніями своими сдѣлалъ онъ то, что Карлъ послалъ въ Бретань нѣкоторыхъ знатныхъ особъ для переговора съ Герцогомъ и для испрошенія у него свободы Принцу.

слезамъ твоимъ, а не жестокой клеветѣ, гонящей невинность. Онъ требовалъ можетъ быть открытымъ образомъ увеличенія своего удѣла; любовь довела его до того — я въ томъ согласенъ — что онъ покусился похитить невѣсту обѣщанную другому. Но, Государь, онъ былъ любимъ отъ дѣвицы Динанъ. Онъ молодъ, онъ Принцъ; величество удобно забываетъ человѣческія должности. Впрочемъ, онъ произошелъ отъ твоей крови, всегда уважалъ твою особу, и во многихъ случаяхъ показалъ свою къ тебѣ нѣжность. Наклонность его къ Англичанамъ заставляетъ его любить ихъ; потому что онъ много имъ одолженъ. Воспитанъ будучи при ихъ Дворѣ, получилъ онъ ихъ нравы, ихъ вкусъ: но обвинять его въ томъ, что онъ для того имѣлъ съ ними связь, чтобы возжечь войну противу своего брата, есть клевета достойнѣйшая всякаго наказанія. Могутъ ли враги сего злощастнаго очернить его въ мысляхъ твоихъ, когда во всей вселенной остался

только ты одинъ, которой съ кротостію отверзаешь лоно твое для принятія его стенаній. . . . Оставишь ли ты его, Государь? Король Французской не есть ли образъ Бога? Не простираетъ ли онъ руку помощи всѣмъ нещастнымъ, къ нему прибѣгающимъ? Престолъ его есть Олтарь благотворительства; теперь же достойнѣйшій сожалѣнія изъ человѣковъ, Принцъ, племянникъ твой, испрашиваетъ у тебя милости. Коннетабль, предводительствующій теперь твоими войсками, соединяетъ прошенія свои съ моими. Онъ пишетъ ко мнѣ, чтобы я склонилъ тебя къ защитѣ сей невинно погибающей жертвы. Великій Государь! повели, чтобы Принцъ пришелъ къ стопамъ твоимъ, и ты опредѣлишь, какъ онъ того желаетъ, или оправданіе его, или наказаніе. Не требуй совѣта у придворныхъ: я ихъ знаю; рѣдко держатъ они сторону соболѣзнованія и человѣчества. Кромѣ тебя самого, кромѣ сострадательнѣйшаго твоего сердца, кромѣ Короля

Фран-

Французскаго, не совѣтуйся Государь ни съ кѣмъ. О! мой Государь, о! мой Король, вступись за невиннаго. Осушить одну каплю слезъ нещастливца, есть безъ сомнѣнія первая слава, предпочтительнѣйшая всему блеску завоеваній. Почему Государи могутъ вкушать болѣе щастія, нежели мы? Они имѣютъ способность дѣлать больше добра, и всегдашнее удовольствіе последуетъ за учиненіемъ благотворительства. Я еще повторяю: Принцъ никогда не терялъ почтенія и преданности, которою онъ тебѣ одолженъ. .... Я до тѣхъ поръ не оставлю колѣнъ твоихъ, пока не согласишься на мои прошенія. Се покрытый сѣдинами служитель твой, простертый у ногъ твоихъ, дерзаетъ теперь требовать награды за свои услуги; но одному только великодушію твоему желаетъ онъ быть одолженнымъ за оказаніе помилованія Принцу Бретаньскому. — Встань, Кавалеръ, и обними твоего друга. Такъ, ты имѣешь довольную причину; я то чувствую. Никогда не

 буду

буду я вкушать большаго удовольствія въ моей жизни, я въ томъ повѣрю моему сердцу, повѣрю достойному подданному, каковъ ты. Ты одинъ могъ удостовѣрить меня, что Принцъ есть жертва клеветы. Я оскорбилъ бы тебя, естьли бъ хотя мало усомнился въ истиннѣ твоихъ словъ. И такъ, пусть немедленно Адмиралъ мой отправится ко Двору Бретаньскому; пусть переговоритъ онъ съ Герцогомъ отъ меня, и чтобъ даровали свободу моему племяннику. Я призову его къ себѣ, и самъ выслушаю его дѣло. „

Камергеръ, доволенъ будучи успѣхомъ своего разговора, со всевозможною скоростію поспѣшалъ къ Адмиралу, которой не умедлилъ исполнить порученное ему дѣло. Онъ отправляется въ путь, желая застать Герцога въ Ваннинѣ. Коснивиненъ, такъ какъ разумный мужъ, подкрѣпилъ силу чувствительности причинами мудрой политики. Онъ показалъ Карлу, что заключеніе Принца причинило разрывъ перемирія, постановленнаго меж-

ду Англичанами и Французами, и что освобожденіе его можетъ укротить сей народъ и облегчить успѣхъ переговоровъ начавшихся въ Нормандіи.

Адмиралъ именемъ Королевскимъ получаетъ желаемое, и оковы Принца напослѣдокъ готовы были разрѣшиться. Аликса, въ уединеніи своемъ, или лучше въ своемъ заключеніи — ибо ей не оставлено было ни малой свободы — узнаетъ сію вѣсть, и предается живѣйшей радости. „Я скоро увижу моего супруга! онъ возвратится въ мои объятія! сердце мое не довольно для вмѣщенія восторговъ! Ахъ, милой Принцъ! какъ я буду стараться, чтобъ ты забылъ ужасные сіи дни! Довольно ли будетъ любви моей, чтобы вознаградить тебя за всѣ бѣдствія, которыхъ причину можешь ты приписывать мнѣ? Ахъ! можно ли мнѣ любить тебя еще больше?„

Узникъ не меньше ощущалъ удовольствія; онъ, неизвѣстно какимъ образомъ, узналъ, что Герцогъ смягчился, и что невольничество его приближа-

жалось къ окончанію. Первое чувствованіе, первое воображеніе, которымъ сердце его было преисполнено, не представляло ему ничего, кромѣ обожаемой супруги. Онъ покушался уже нѣкоторымъ образомъ летѣть въ ея объятія; картина толь продолжительнаго злополучія изчезала уже совершенно предъ его глазами. Коннетабль писалъ къ Королю письмо, изъявляющее его предъ нимъ чувствительнѣйшую благодарность. Всѣ друзья Принцовы, т. е. малое число добрыхъ находившихся при Дворѣ Бретаньскомъ, показывали величайшую радость; курьеръ Герцоговъ отправился уже съ повелѣніемъ возвратить свободу его брату

Какимъ пагубнымъ случаемъ злоба и ненависть имѣютъ всегда множество такихъ средствъ, о которыхъ и не думаетъ честность! Враги Принца Бретаньскаго пришли въ смятеніе; добыча ихъ исторглась у нихъ изъ рукъ, и они долженствовали быть свидѣтелями благополучія того, коего

гоне-

гоненіями своими преслѣдовали. Сія послѣдняя мысль умножала ихъ неистовство; она представляла имъ средство, которое можно назвать превосходнымъ твореніемъ адскихъ козней; они находятъ и цѣною злата покупаютъ проклятое искусство нѣкотораго злодѣя, называемаго Петромъ де ла Розою, которой отмѣнной имѣлъ даръ поддѣлывать ложныя письма. Долгое время жилъ онъ между Англичанами, и между прочими науками пріобрѣлъ познаніе штиля, которымъ дѣлаютъ при Англинскомъ Дворѣ грамоты и письма къ чужестраннымъ Дворамъ посылаемыя. Къ сему-то бѣдняку прибѣгли недоброхоты Принцовы съ тѣмъ, чтобъ на имя Генриха поддѣлать письмо, наполненное угрозами и адресованное къ Герцогу Бретаньскому. Въ немъ требовали, чтобы немедленно возвращена была вольность узнику; въ противномъ случаѣ сильная армія готова была напасть на его области. Герцогъ симъ письмомъ, которое почиталъ онъ за самое справед-

ливое, чувствительно раздраженный, предается ярости, уничтожаетъ повелѣніе данное на освобожденіе Принца, и клянется свершить его погибель, которую онъ весьма долго отлагалъ. Адмиралъ Французской наконецъ отпущенъ былъ, не получивъ успѣха въ своемъ посольствѣ. Въ нѣкоторыхъ того времени запискахъ подозрѣваютъ его вѣрность, но на сіе не иначе должно смотрѣть, какъ на клевету. Люди не довольно ли уже злы и безъ того, чтобы приписывать имъ еще новыя жестокости? Коэтиви отличался знатностію, и кажется неспособенъ былъ къ нарушенію вѣрности.

Нещастіе преслѣдовало Принца, не окончившись симъ жестокимъ испытаніемъ; злоумышленники скрытными происками умѣли раздражить Англичанъ, которые дѣйствительно объявили войну Герцогу, и требовали освобожденія его брата. Сей послѣдній ударъ привелъ въ крайнее ожесточеніе такое сердце, которое къ тому единственно стремилось, чтобъ заглушить на-

туру,

туру и предаться всей жестокости и безчеловѣчію. Франциск ни чем другим не занимался, как только искал средств насытить непреклонное свое мщеніе.

Злополучный Принц приближался к минутѣ своего освобожденія. Он слышит шум; душа его предается совершенно сей сладкой надеждѣ. Новые стражи, гораздо безчеловѣчнѣйшіе еще первых, предводительствуемые Оливіером дю Меелем, извлекают его из перваго его жилища и заключают в тюрьму. Сей нещастный хочет знать причину перемѣны толико противной той, которая его ласкала; можно ли было то представить? Однако Исторія сіе подтверждает. Принцу не отвѣтствуют иначе, как жестокими ударами. Тогда вся твердость его оставляет, и слезы струями текут из очей его. — „Со мною таким образом поступают, и я не могу за себя отмстить! Мнѣ причиняют таковыя жестокія оскорбленія! Мой брат

дал

далъ на сіе повелѣніе! Не удовольствовался ли онъ, причинивъ мнѣ жесточайшія мученія? Онъ присоединяетъ къ нимъ еще посрамленіе! Сіи чудовища не только не обезоружены, но еще усугубляютъ свои свирѣпости! „Отъ узника удалили того человѣка, которой доставлялъ письма его къ Аликсѣ и къ Королю Французскому; и такъ онъ уже лишенъ былъ удовольствія получать извѣстіе о супругѣ своей, которую въ ея заточеніи ограничили еще тѣснѣе. Чрезвычайная печаль привела въ несказанное уныніе сію толико нѣжную супругу, ожидающую нетерпѣливо той минуты, въ которую можно ей будетъ обнять своего супруга.

Сердца самыхъ злыхъ людей часто не могутъ защищаться отъ разительныхъ ударовъ сожалѣнія; толико то состраданіе есть сродно нашему естеству! Увы, бѣдные смертные! почто вы болѣе не внемлете сему трогательному гласу, вопіющему къ вамъ и возбуждающему васъ къ жалости о нещастномъ? Дюмеель, сіе неумо-

умолимое чудовище, смягчился прошеніями и болѣзненнымъ стенаніемъ своего плѣнника, и привелъ его въ состояніе писать къ Герцогу. Вотъ первое письмо, писанное къ сему безчеловѣчному брату:

Всемилостивый Государь!

„Я не смѣю назвать тебя мо„имъ братомъ. Можетъ быть враги „мои вмѣняютъ мнѣ въ новое престу„пленіе то, что я стану представ„лять тебѣ права крови; и такъ я „не стану упоминать сего толико еще „милаго мнѣ имени. Я представлю „тебѣ во мнѣ послѣдняго только изъ „твоихъ подданныхъ, послѣдняго изъ „человѣковъ и изъ всѣхъ злополучнѣй„шаго, которой обѣемлетъ твои ко„лѣна, орошаетъ ихъ своими слезами, „и не старается болѣе ни о чемъ, „какъ токмо возбудить въ тебѣ со„страданіе. Я бы могъ говорить тебѣ „о моей невинности, доказанной толь „многими опытами, прибѣгнуть къ „твоему правосудію, но я хочу под-

„виг-

„двигнуть тебя на милость. Я при-
„знаюсь, что я вЪ глазахЪ твоихЪ
„кажусь виновнымЪ, естьли сіе при-
„знаніе удобно возбудить твое вели-
„кодушіе. Увы! нѣтЪ уже во мнѣ
„прежней гордости. Удрученный бре-
„менемЪ нещастій, я совершенно пре-
„даюсь вЪ твою волю. ВвергнутЪ бу-
„дучи вЪ мрачную темницу, орошая
„черный хлѣбЪ моими слезами, коихЪ
„источникЪ вЪ скоромЪ времени из-
„сякнетЪ, безЪ утѣшенія, безЪ на-
„дежды, разлученный сЪ супругою,
„которую я люблю болѣе, нежели ко-
„гда либо, и которая раздѣляетЪ со
„мною жестокость моей участи . . .
„о Небо! какая мысль! Аликса, Алик-
„са подвержена тѣмЪ же гоненіямЪ,
„отЪ которыхЪ страдаю и я. Таково
„есть состояніе Принца, которой учи-
„нилЪ одну только погрѣшность — лю-
„бовь . . . Что я говорю? Мое намѣ-
„реніе, я паки повторяю, состоитЪ вЪ
„томЪ, чтобЪ представить себя гла-
„замЪ твоимЪ вЪ видѣ величайшаго
„преступника. Ты тѣмЪ будешь до-

„стой-

„стойнѣе, естьли простишь меня виноватаго, и я предаю себя совершенно всей жестокости моего жребія. „Дружеское мое обхожденіе съ Генрихомъ и Англичанами тебѣ было противно. Я оставляю Генриха, Англичанъ, все, все; ты узришь меня совершенно покорствующаго твоей волѣ; „кромѣ тебя и Аликсы, сердце мое ни „чемъ заниматься не станетъ. Противно ли тебѣ видѣть меня? Угодно „ли тебѣ удалить меня отъ своего „Двора, изгнать изъ Бретани? Повели „мнѣ преселиться на край свѣта, въ „ужаснѣйшую пустыню, и дозволь мнѣ „жить въ оной съ моею супругою! „Тамъ буду я благословлять твое милосердіе; ни малѣйшая жалоба не исторгнется изъ устъ моихъ . . . . „Ахъ, любезный братъ! я сему не „возпротивлюсь, не возпротивлюсь ни „мало. Ежели бы родитель нашъ могъ „проникнуть мрачную завѣсу гроба, „ежели бы онъ узрѣлъ меня въ семъ „плачевномъ состояніи, то повѣрилъ „ли бы онъ . . . . Я удержусь и отъ

„са-

„самыхъ малѣйшихъ жалобъ; вспомни „только то, что нѣкоторой Принцъ „Англинской сказалъ жестокому Вильгельму (*). Ты мнѣ не однократно „говаривалъ о семъ умиленіи, украшающемъ человѣчество. Увы! есть-„ли для тебя чувствительно удовольствіе быть любимымъ, то кто станетъ любить тебя больше, какъ не „братъ?

(*) *Жестокому Вильгельму* и проч. Вильгельмъ *завоеватель* имѣлъ трехъ сыновей: Вильгельма прозваннаго *рыжимъ*, Генриха и Роберта. Второй изъ нихъ возмутился, принялъ оружїе и удалился къ горѣ Сент-Мишель (или Св. Михаила), гдѣ былъ онъ осажденъ своими братьями. Мятежникъ, приведенъ будучи до такой крайности, что не имѣлъ воды для утоленїя жажды, просилъ оной у Роберта, которой не только послалъ къ нему воды, но присоединилъ еще къ сему боченокъ вина. Вильгельмъ рыжїй жестоко поносилъ сей великодушный поступокъ. „Ахъ! отвѣтствовалъ ему Робертъ, какъ бы худо ни поступалъ съ нами братъ, однако должны ли мы желать, чтобъ онъ умеръ отъ жажды? Мы со временемъ будемъ можетъ быть имѣть нужду въ братѣ; но гдѣ мы найдемъ другаго, когда лишимся сего?„

„братЪ? А ты хочешь погубить се-
„го толико злощастнаго брата, ко-
„торой умоляетЪ тебя не иначе, какЪ
„самого Бога, и которому ты все еще
„милЪ. Не льзя побѣдить природы,
„и сія самая природа несетЪ кЪ тебѣ
„мое послѣднее издыханіе. Попустишь
„ли ты, чтобЪ я испустилЪ оное?
„Прости, прости меня. Сіи выраже-
„нія какое должны произвесть впеча-
„тлѣніе вЪ человѣческомЪ сердцѣ? а
„твое будетЪ ли толь ожесточенно,
„чтобЪ не почувствовать силы оныхЪ?
„Жестокіе... любезный братЪ! не уже
„ли вложили они вЪ тебя свирѣпую
„свою душу? Вспомни .... сколько
„разЪ удостоивалЪ ты меня заклю-
„чать вЪ свои обЪятія? ты часто мнѣ
„говаривалЪ: любезный братЪ! будь
„увѣренЪ вЪ вѣчной моей кЪ тебѣ
„нѣжности; и вотЪ ея плоды! Но я
„ни мало не хочу роптать и оскорб-
„лять тебя. Естьли должно вЪ томЪ
„признаться, чтобы смягчить тебя;
„то скажу, что я заслужилЪ сіи
„удары. Одно только милосердіе твое

„я умоляю. И такъ пусть расторг-
„нутся цѣпи меня обременяющія, или
„по крайней мѣрѣ, пусть скорая
„смерть освободитъ меня отъ толи-
„кихъ бѣдствій!„

Принцъ Бретаньскій.

Что есть любовь! Какія одерживаетъ она побѣды! Естьли бъ дѣло было здѣсь только о его собственномъ нещастіи, то Принцъ вѣрно не унизился бы до такой степени покорности. Но отъ участи его зависѣла участь Аликсы, а сердце, истинно чувствительное, поставляетъ нѣкоторой родъ тщеславія въ томъ, чтобы унижаться для того, что ему любезно. Много есть таковыхъ признаній, которыя стоютъ больше, нежели самая жизнь, униженіе есть крайняя степень злощастія, и пожертвованіе любочестія есть послѣднее, которое намъ сдѣлать остается.

Узникъ считалъ дни, часы, минуты, но не получалъ никакого отвѣта. Исполненъ будучи жестокаго от-

отчаянія, написалЪ онЪ еще слѣдующее письмо:

„И такЪ приговорЪ мой свершился! „БратЪ мой учинился неумолимымЪ „моимЪ судіею! Я посылалЪ кЪ нему „изЪ нѣдрЪ мрачной темницы, изЪ „утробы земли слезы мои и вопли „какЪ кЪ самому Божеству, но онЪ „меня отвергнулЪ! ОнЪ не хотѣлЪ „мнѣ сдѣлать и сего утѣшенія, чтобЪ „я могЪ прочитать приговорЪ мой, под„писанный его рукою! И самая смерть „мнѣ возбранена, которой я прошу „какЪ нѣкоторой милости. Жестокой „братЪ... АхЪ! прости, прости; от„чаяніе меня приводитЪ вЪ забвеніе; „мученія мои достигли до такой „степени... Я себя не узнаю болѣе; „и ты-то, братЪ мой, погружаешь „меня вЪ сію бездну страданій! По„что вѣра возбраняетЪ мнѣ прекра„тить дни мои, которые суть не „иное что, какЪ цѣпь бѣдствій? СЪ „давнаго времени предоставляю я сіе „беззаконіе моимЪ мучителямЪ; но они „до того простираютЪ свою жесто-

„кость, что щадятъ бытiе мое: Братъ,
„любезный братъ, и такъ сiе сладкое
„имя не сильно тебя тронуть! Дума-
„ешь ли ты, что твоя собственная
„кровь течетъ въ моихъ жилахъ, что
„одна утроба даровала намъ жизнь...
„что я не могу тебя ненавидѣть, а
„ты учинился виновникомъ всѣхъ мо-
„ихъ мученiй! Для имени Бога, отъ
„власти коего ты и я зависимъ, воз-
„зри хотя единожды сострадатель-
„нымъ окомъ на злополучнѣйшаго изъ
„смертныхъ. Я уже сказалъ тебѣ,
„что твое сострадание, одно твое со-
„страданiе умоляю. Повели, чтобы
„ускорили щастливую минуту, въ
„которую я престану существовать.
„Вотъ единственное благо, котораго
„испрашиваю я у тебя со слезами и
„стенанiями. Не довольно ли я зло-
„полученъ, чтобы льститься надеж-
„дою, что по крайней мѣрѣ въ сей
„милости мнѣ не будетъ отказано?
„Смерть, любезный братъ, смерть,
„поелику вовсе возбраняется мнѣ умило-
„стивить тебя! Увы! я прощаю те-

„въ сію жестокую кончину, и умру...
„я произнесу имя моего брата, испу-
„ская духъ мой отъ сихъ ударовъ.
„Ахъ! должно ли, чтобъ ты меня не-
„навидѣлъ? Сію жестокую мысль по-
„несу я во гробъ! По крайней мѣрѣ
„обѣщай мнѣ, что ты не станешь
„ненавидѣть моей памяти; любезный
„братъ! ты узнаешь истинну, и по-
„жалѣешь обо мнѣ; позволь окончать
„мнѣ жизнь съ симъ сладкимъ упова-
„ніемъ. Гробница не есть ли предѣлъ,
„котораго ненависть преступить не
„долженствуетъ, и враги мои будутъ
„ли мучить и самый прахъ мой? И
„такъ я ни о чемъ больше тебя не
„прошу, какъ о моей супругѣ; до-
„вольно одной жертвы. Мщеніе меня
„удручающее не насытится ли? Я за-
„клинаю тебя моими слезами, моею
„кровію, которая скоро, думаю, про-
„льется: не наказывай Аликсы за
„бѣдственную любовь. Увы! ей труд-
„но будетъ пережить своего супруга.
„Удостой ее своего покровительства,
„и позволь, чтобы она говорила тебѣ

„иногда о моей невинности, о моей „нѣжности и моихъ страданіяхъ.„

Герцогъ весьма далекъ былъ отъ того, чтобъ отвѣтствовать своему брату; вмѣсто сихъ двухъ толико трогательныхъ писемъ, получилъ онъ другія, кои были наполнены укоризнами и угрозами, дѣло рукъ того же самаго Петра де ла Розы, столь искуснаго въ поддѣлываніи ложныхъ писемъ. Францискъ, раздраженный сими огорчительными письмами, не скрываетъ ярости его возбуждающей. Ему доносили, что Принцъ въ отчаяніи своемъ говорилъ, что покусится на жизнь. „Онъ можетъ ею располагать, отвѣтствовалъ съ холодностію варваръ: я даю ему совершенную надъ нею власть„ Малѣйшія слова Государей тщательно замѣчаются, и придворные даютъ имъ удобно такой, толкъ, какой имъ угодно. Враги Принца послѣ сихъ словъ, Герцогомъ произнесенныхъ, приняли проклятое намѣреніе скорѣе отдѣлаться отъ своего плѣнника. Они издали повелѣніе, какъ будто бы отъ

Фран-

Франциска произшедшее, умертвить Принца. Сей приговоръ отнесенъ былъ великому Канцлеру для запечатанія онаго. Эонъ ле Бодуэнь — такъ назывался сей почтенной мужъ, а подобныя имена къ славѣ человѣчества и къ утѣшенію добродѣтели должны преданы быть памяти позднѣйшаго потомства — Эонъ ле Бодуэнь явнымъ образомъ отрекся вспомоществовать властію своею сооруженію сего памятника клеветы и злодѣяній. Онъ отрѣшенъ былъ за сіе отъ своей должности, но пріобрѣлъ вѣчную славу. Напослѣдокъ богомерзкое оное повелѣніе получило законный видъ, и Оливіеръ дю Мееэль принялъ на себя произвести оное въ дѣйство.

Викомтъ Роганъ, услышавъ сіе, приходитъ къ Артуру, осыпаетъ его язвительнѣйшими упреками, и предлагаетъ ему поединокъ. Но сей испрашиваетъ отъ Франциска имянное повелѣніе, запрещающее Викомту вступать въ сіе дѣло. Напослѣдокъ онъ сосланъ

былъ

былЪ вЪ заточеніе за тритцать мил
отЪ Двора.

Аликса не преставала умолять Небо о освобожденіи своего супруга. Она непрестанно писала кЪ Королю Французскому и кЪ Герцогу письма, которыя имЪ не были имЪ доставляемы. Часто, не вЪ силахЪ будучи сносить чрезвычайной тоски ее удручающей, произносила она пронзительный вопль и хотѢла покуситься на свою жизнь. ТѢ, кои ее окружали, удалили отЪ нее все, что только могло споспѢшествовать ужасному сему намѢренію. Коннетабль, принужденЪ будучи исполнять свою должность и быть при арміи, не могЪ ничего дѢлать, кромѢ что обезпокоивалЪ Карла письмами, которыя одно за другимЪ немедленно слѢдовали. Но злоумышленники Принцовы умѢли доставить себѢ при самомЪ ДворѢ ФранцузскомЪ шпіоновЪ, кои препятствовали Королю узнать истинну. СверьхЪ того злодѢи сіи учинили виновнымЪ вЪ глазахЪ Карла бѢднаго его племянника, и онЪ взиралЪ

на него какъ на преступника, не смотря на всѣ представленія Косивинины. Какимъ чуднымъ опредѣленіемъ судьбы ложь всегда почти имѣетъ свободный доступъ къ Монархамъ! Нѣтъ ни малаго сомнѣнія, что сей Государь, удостовѣренный въ невинности Принца, подалъ бы ему свою помощь.

Съ огорченіемъ описывалъ я сіе произшествіе; но Исторія, ни малѣйшему сомнѣнію не подверженная, пріемлетъ здѣсь свою кисть. Когда доносили дю Меелю, что должно поспѣшить окончаніемъ сего проклятаго замысла; когда, желая побудить его къ сему, увѣряли его, что самъ Герцогъ произнесъ сей приговоръ: тогда увидѣли его колеблющагося. Сіе происходило или отъ того, что угрызенія совѣсти дали ему наконецъ себя возчувствовать; или отъ того, что онъ страшился, дабы Герцогъ, пришедъ въ раскаяніе, не наказалъ его за сей злодѣйскій поступокъ. Лестныя обѣщанія, награда, чины, тысяча вы-

годЪ для его самого и для его сообщниковЪ, все было представлено постыдной его жадности, и онЪ наконецЪ согласился. По семЪ вЪ другой разЪ стражи были смѣнены, и невинная жертва сія ввержена была вЪ темницу гораздо глубочайшую первой и наполненную водою (*), коея окны рѣшетками укрѣпленныя подобны были рзу. А сіе сдѣлано было сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ, чтобЪ онЪ умерЪ тамЪ отЪ голода и жажды; почему многіе дни не приносили ему ни ѣсть ни пить.

Злощастный ПринцЪ чувствуетЪ весь ужасЪ судьбы его ожидающей. ОнЪ произносилЪ болѣзненные вопли; про-

(*) *И наполненную водою*, и пр. СамЪ ГерцогЪ приказалЪ Оливіеру дю Меелю заключить брата своего вЪ темницу, вЪ которой находилась вода. Сколько преданЪ ни былЪ ОфицерЪ сей волѣ своего Государя, однако жЪ не хотѣлЪ учинить сего столь безчеловѣчнаго поступка. ОнЪ осмѣлился отвѣчать Герцогу, что не броситЪ Принца вЪ такую темницу. *Естьли ты не хочешь его туда бросить*, сказалЪ ему ГерцогЪ, *то бросятъ его туда другіе.*

просилЪ помощи у всѣхЪ тѣхЪ, коихЪ видѣлЪ изЪ своего окна идущихЪ на другой сторонѣ рва; онЪ простиралЪ кЪ нимЪ сквозь рѣшетку трепещущія свои руки: „ПринцЪ Бретаньскій, кричалЪ онЪ имЪ, бѣдный ПринцЪ Бретаньскій проситЪ у васЪ хлѣба и воды, для любви кЪ Богу (*)!„ Никто не смѣлЪ и остановиться, чтобы выслушать его; столько-то страшились показать малѣйшій знакЪ соболѣзнованія! КакЪ мало находится великихЪ душЪ, кои бы приняли на

(*) *Хлѣба и воды, для любви къ Богу* и пр. Собственныя слова сего злощастнаго Принца. Сей невѣроятный поступокЪ описанЪ здѣсь сЪ крайнею подробностію. Исторія не требуетЪ здѣсь заимственнаго пособія. Дай БогЪ, для чести человѣчества, чтобы обвинили Автора вЪ несправедливости! Здѣсь должно замѣтить, что сей самый МонархЪ, сей безчеловѣчный братЪ, приближаясь кЪ кончинѣ своей, сказалЪ окружающимЪ его придворнымЪ: *Друзья мои! да служитъ теперешнее мое состояніе вамъ примѣромъ! Я былъ вашимъ Государемъ, но теперь я ничто.* Видно одна только смерть можетЪ просвѣщать человѣковЪ.

себя защищеніе человѣчества съ ущербомъ собственной своей выгоды, и какъ легко преклоняютъ выю подъ иго тиранства!

Нѣкоторая бѣдная женщина, собиравшая милостыню не подалеку отъ замка, весьма тронута была жалостнымъ положеніемъ Принца. Не знаютъ имени сей почтенной старушки, между тѣмъ какъ обременяютъ насъ именами и названіями безчисленнаго множества злодѣевъ, служащихъ посрамленіемъ и проклятіемъ роду человѣческому. Неблагодарность и ожесточеніе всегда ли будутъ пригвождены къ нашему естеству? а чувствительность не уже ли всегда принадлежать будетъ нещастнымъ? Сія женщина, которая сама едва имѣла одинъ кусокъ хлѣба для продолженія бѣднаго бытія своего, осмѣлилась сойти ночью въ ровъ, и подать бѣдному узнику чрезъ небольшое отверстіе сей кусокъ хлѣба и нѣсколько воды. „Государь мой, Государь мой! сказала она ему залившись слезами, я тебѣ даю все,

все, что я ни имѣю, и готова умереть, только бы могла услужить тебѣ. И такъ самые вельможи бываютъ иногда столь же достойны сожалѣнія, какъ и мы. Ахъ, Государь! не могу ли я быть тебѣ болѣе полезна?„ Принцъ столь тронутъ былъ симъ благотворительнымъ поступкомъ, что не могъ удержать слезъ. Наконецъ по долгомъ молчаніи сказалъ онъ голосомъ рыданіями прерываемымъ: — „Ты-то достойное твореніе пришло ко мнѣ на помощь тогда, когда весь міръ . . . . когда мой братъ . . . Онъ не въ силахъ окончать; слезы прерываютъ голосъ его. „Государь! отвѣтствуетъ добрая сія женщина, должно непремѣнно, чтобъ нашъ повелитель не зналъ о твоемъ положеніи; оно чрезвычайно меня трогаетъ; знай, что я стану собирать милостыню съ такимъ стараніемъ, котораго еще никогда не прилагала; по крайней мѣрѣ я стану приносить тебѣ весь хлѣбъ, которой я буду имѣть. Ахъ, Государь! онъ весь для тебя; весьма малаго довольно для

моей нужды. Ахъ, жестокіе! въ какое состояніе они тебя привели!„ Принцъ въ страданіи своемъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе; сострадание утѣшаетъ. Онъ непрестанно повторялъ: вотъ одно только сердце, которое я могъ пронуть!

Женщина сія, героиня чувствительности, избирала нощные часы, въ которые темнота была больше, для принесенія нищенскаго хлѣба своего и воды узнику. Онъ не безъ страха взиралъ на нее. — „Естьли тебя примѣтятъ, то можетъ быть отымутъ у тебя жизнь! — Эхъ, Государь мой! что есть опасность жизни моей въ сравненіи съ удовольствіемъ продлить твою? Все мое безпокойство состоитъ только въ томъ, что я не въ состояніи ничего больше для тебя сдѣлать.„ Принцъ, желая знать участь своей супруги, предлагаетъ нѣкоторые вопросы своей благотворительницѣ. „Ты печешся о моей жизни, сказалъ онъ ей, и должна равнымъ образомъ удовлетворить нуждамъ моея

души.

души. Варвары лишаютъ меня и сего пособія; сдѣлай милость, призови ко мнѣ какого нибудь человѣколюбиваго священника, которой бы принялъ мое покаяніе: ибо я чувствую, что не смотря на твое стараніе, конецъ мой приближается.„

Сострадательная женщина поспѣшаетъ къ нѣкоторому Францисканцу, духовнику своему; объявляетъ ему все, что она сдѣлала для Принца, изображаетъ ему крайность, въ которой онъ находится; наконецъ понуждаетъ сего честнаго монаха согласиться на прозьбу Принца. Сей мужъ, достойный быть служителемъ Олтаря, одаренный благотворительною душею приличною священнослужителю, подвергается опасности быть пойману, слѣдуетъ за женщиною провождавшею его во мракѣ, и приходитъ даже къ самому отверстію темницы. Она призываетъ Принца, которой не знаетъ, чемъ изъявить ей свою благодарность. „Государь мой! сказалъ Францисканецъ, я исполняю свою должность; да и

кто долженъ поспѣшать къ нещастному на помощь, естьли не вѣра? Она есть мать нещастныхъ; лоно ея всегда отверсто ихъ воплямъ, и она научаетъ насъ жертвовать ей всемъ, и самою даже жизнію. Вѣра простирается гораздо далѣе, нежели человѣколюбіе. И такъ располагай моимъ усердіемъ и моими услугами, Государь . . . О Боже! безчеловѣчные! Люди ли это, Христіане ли тѣ, которые поступаютъ съ тобою такимъ образомъ? Узникъ съ умиленнымъ лицемъ подаетъ монаху изсохшую руку. — „Увы! это мой братъ! я совершенно познаю по симъ знакамъ характеръ истиннаго соболѣзнованія, тебя возбуждающаго. . . . Такъ, одна только вѣра можетъ быть столь чувствительна и всегда готова на помощь; я оставленъ отъ всего міра! И такъ одному только Богу я могу открыть мои мученія, и отъ одного Его дерзаю я ожидать нѣкоего сострананія. Будьте увѣрены (обращая рѣчь свою къ женщинѣ и Францисканцу, сказалъ онъ) души по-

толико благородныя: что естьли Небо возвратитъ меня свѣту? я употреблю всю жизнь мою на то, чтобы доказать вамъ, сколько я чувствителенъ въ вашимъ благодѣяніямъ. И такъ прежде нежели смерть моя приближилась, я нашелъ двухъ друзей. — Ахъ! Государь, прерываетъ женщина, не мы тебѣ, но ты намъ дѣлаешь добро. Что касается до меня, то я не думала, чтобы для насъ бѣдныхъ людей было другое удовольствіе на землѣ. И ты, Государь, даешь мнѣ теперь чувствовать, что въ самомъ бѣдномъ состояніи можно вкушать благополучіе. Я щасливѣе изъ всѣхъ твореній! Я могла спасти твою жизнь!„

Узникъ, которой ни мало не могъ подозрѣвать вѣрность сей толико почтенной твари, поручаетъ ей дѣло требовавшее не малаго благоразумія: оно состояло въ томъ, чтобы она постаралась пройти къ самой Принцессѣ и склонить ее къ свиданію съ своимъ супругомъ. „Естьли бы рука ея, сказалъ Принцъ, могла закрыть мои

 очи!

очи! Естьли бы она приняла мою душу, готовую излетѣть! . . . Ступай, достойная моя покровительница. . . . ты только одна вспомоществуешь Бретаньскому Принцу! Какой примѣръ для сильныхъ міра сего! . . Ступай, употреби всѣ силы: пусть наслаждусь я еще единожды воззрѣніемъ на мою супругу! . . . Отецъ мой! желаніе сіе не оскорбляетъ высочайшее Существо, вложившее въ меня сердце, сердце толико чувствительное!„

Добрая сія женщина оставляетъ Принца съ Францисканцомъ, и старается сыскать средства, могущія открыть ей входъ къ Аликсѣ.

Злополучный супругъ сей прежде всего старается удовлетворить за грѣхи свои; онъ представляетъ вѣрное начертаніе своихъ прегрѣшеній и приноситъ въ нихъ чистосердечное раскаяніе. По томъ описываетъ ужасное свое положеніе. „Отецъ мой! безъ сомнѣнія я виновенъ предъ очами Бога, но ты видишь истинное сокрушеніе моего сердца, и увѣряешь меня, что

мои слезы, мое раскаяніе исходатайствують мнѣ отъ Бога прощеніе, въ которомъ люди по ожесточенію своему мнѣ отказывають. Ахъ! кто ввергнулъ меня въ сію бездну злощастій? Мой братъ, братъ, котораго я люблю!..." При семъ словѣ погружается онъ въ слезы, и по томъ опять начинаетъ: „Отецъ мой! Богъ повелѣваетъ твоими устами, и такъ должно Ему повиноваться!" Духовникъ при семъ случаѣ представляетъ ему все то, къ чему только вѣра насъ побуждаетъ. Узникъ продолжаетъ: „Я его прощаю, отецъ мой, прощаю; но поелику онъ упорствуетъ и не хочетъ признать моей невинности, поелику пренебрегаетъ мои вопли, мои слезы, мой послѣдній вздохъ: то призываю я его къ священному судилищу Верховнаго Судіи, управляющаго обладателями міра, предъ лице самого Бога. . . . Поспѣшай къ нему и скажи, чье мщеніе я на него призываю. Скажи ему, что ты видѣлъ его брата плавающаго въ смрадной водѣ, покрытаго болѣз-

болѣзненными язвами, погруженнаго въ слезахъ, удрученнаго бѣдностію, приближающагося къ послѣдней минутѣ своея жизни, и . . . прощающаго, любящаго его. Такъ, мой отецъ, онъ мнѣ еще милъ, и сіе самое сугубитъ мои мученія. Знаю, что слабость его употребляютъ во зло, и принуждаютъ ненавидѣть, гнать своего брата, терзать грудь мою. Скажи также, что съ униженіемъ испрашиваю я у него милости, по крайней мѣрѣ для моей супруги. Гоненія толико неправедныя будутъ ли простираться даже до нее? Естьли Небо, отецъ мой, тронетъ его твоимъ гласомъ, то пусть позволено будетъ мнѣ пасть къ его стопамъ, пролить тамъ мои слезы. . . Но меня уже не будетъ, нѣтъ, не будетъ! Отецъ мой, не забудь въ молитвахъ твоихъ злощастнѣйшаго изъ смертныхъ. Богу оставляю я заплатить тебѣ за трудъ мой. Вотъ малостоющій перстень, единое богатство, оставленное мнѣ моими мучителями. Удостой принять его, и сохрани въ память

мять

мять нещастнаго, чувствующаго всю цѣну услуги, тобою ему оказанной.„

Монахъ не въ силахъ былъ отвѣчать; онъ горько плакалъ съ плѣнникомъ, державшимъ сквозь рѣшетку руку его и омывающимъ оную своими слезами. По томъ продолжаетъ бѣдный Принцъ: „Прости, любезный благодѣтель! Еще единожды прошу тебя: побывай у Герцога, и не забудь сказать ему, къ какому суду я его призываю. Но оставимъ человѣковъ; все уже свершилось! Я повергаюсь въ объятія Бога; онъ, онъ только одинъ умѣетъ отмщевать за истинну и невинность.„

Какая картина! и сіе зрѣлище ужасовъ представлено было въ пятнатцатомъ вѣкѣ, тогда, когда жили люди, гнушавшіеся названіями непросвѣщенныхъ, пастуховъ, дикихъ звѣрей, когда исповѣдовали они вѣру Благодати, когда назывались Христіанами. Ахъ, изверги! не презрѣннѣе ли вы самыхъ кровожаждущихъ тигровъ?

Тюремщикъ и его стража, думавшіе, что голодъ освободитъ ихъ отъ

ихъ плѣнника, крайне удивились, видя его живаго. Онъ въ одномъ углу своей темницы скрылъ нѣсколько кусковъ хлѣба и сосудъ съ водою. Сія-то пища поддерживала бѣдственное бытіе брата одного изъ Повелителей міра сего!

Оливіеръ дю-Меель не могъ понять, какимъ чуднымъ образомъ надежда его такъ обманулась. Злодѣи, жаждавшіе смерти ихъ жертвы, и страшившіеся, чтобы человѣчество, возвратившись въ сердце Франциското, не исторгнуло у нихъ предмета ихъ мщенія, побуждаютъ дю-Меедя ускорить кончину узника. Они рѣшились отравить его ядомъ, и притворившись, будто сжалились надъ его состояніемъ, посылаютъ къ нему похлебку, которая вмѣсто подкрѣпленія его силъ, долженствовала прекратить его жизнь; ибо въ нее положенъ былъ ядъ. Но крѣпость его сложенія уничтожила дѣйствія сей смертельной пищи, которыхъ ожидалъ дю-Меель, и Принцъ боролся еще съ смертію,

ко-

которая, такъ сказать, приступала къ нему со всѣхъ сторонъ.

Наконецъ онъ долженъ былъ пасть подъ бременемъ бѣдъ его удручающихъ. Сонъ, раждающійся отъ несносныхъ страданій, на которой мы должны взирать какъ на драгоцѣнный даръ натуры, сей чадолюбивой матери, всегда на помощь къ намъ готовой — сильный сонъ начиналъ закрывать вѣжды узника, какъ вдругъ слышитъ онъ нѣжный голосъ его зовущій, которой безъ труда могъ онъ узнать. Нещастный встаетъ поспѣшно, бросается къ отверстію темницы. — „Правда ли это? . . . Какое чудо! . . . Это ты, дражайшая Аликса! . . . . это ты! . . . и въ какомъ одѣяніи!„ Слабый свѣтъ луны позволялъ различать предметы. Принцесса — ибо это дѣйствительно была она — увидѣвъ своего супруга въ семъ ужасномъ положеніи, испускаетъ болѣзненный вопль; она упадаетъ лицемъ на рѣшетку и орошаетъ оную своими слезами. — „Дражайшій Принцъ . . . милый супругъ! . . .

такъ-то поступаетъ съ тобою жестокой братъ твой! Ахъ! я иду просить у него смерти.„ Принцъ, удерживая ее за руку — „сіе будетъ безполезно. Я сдѣлалъ гораздо больше. Мы слишкомъ унижались; должно умереть. Я увидѣлся съ тобою, обожаемая Аликса! и сей только милости испрашивалъ я у Неба, единственной моей защиты; получивъ же оную, я умираю доволенъ.„

Разговоры супруговъ сихъ продолжались довольно времени, прерываемы будучи частыми рыданіями. Добродѣтельная женщина умѣла преодолѣть всѣ препятствія. Она подошла къ Принцессѣ, когда провождали ее въ церковь, и притворившись просящею у нее милостыни, имѣла время увѣдомить ее о ея супругѣ. Аликса, одѣвшись въ изорванное рубище, вышла во время ночи изъ своихъ покоевъ, и узнавши, какимъ образомъ должно было ей войти въ ровъ, достигла она подъ симъ прикрытіемъ ужаснаго жилища, заключавшаго ея супруга. „Нѣтъ, любез-

безный Принцъ, сказала ему Аликса, покрывая поцѣлуями и слезами одну изъ его рукъ: ты не умрешь; я буду жить съ тобою; я паду къ стопамъ жестокаго виновника нашихъ бѣдствій: или я его умолю, или онъ долженъ будетъ вонзить кинжалъ въ грудь мою. Супругъ, супругъ мой претерпѣваетъ всѣ сіи мученія и питается нищенскимъ хлѣбомъ! . . . О Небо! . . . можешь ли ты попустить, чтобы насиліе злодѣйства до сего степени простиралось?„

Но вдругъ поднимается шумъ; показываются зажженные факелы, и приближается отрядъ вооруженныхъ воиновъ. Сіи жестокіе бросаются, схватываютъ Принцессу, которая испускала болѣзненные крики, и держась за рѣшетку, отнюдъ не хотѣла разлучиться съ своимъ супругомъ. — „Ахъ, неумолимые тигры! по крайней мѣрѣ позвольте намъ умерешь вмѣстѣ. Не уже ли откажете вы намъ и въ семъ утѣшеніи? — Ахъ, варвары! вскричалъ Принцъ, ступайте, не медлите раз-

терзать грудь мою, но освободите только невинную супругу отъ вашихъ жестокостей! На меня, на меня одного излейте вы всю ярость вашу!„

Тщетны были слова сіи. Бѣдная старушка поимана была въ одѣяніи толь мало приличномъ бѣдности. Угрозы и удары не сильны были исторгнуть у нее ея тайны. Нѣкоторое дитя, по случаю при Аликсѣ находившееся, когда она надѣвала сіи рубища, открыло все. Благотворительная женщина брошена была въ тюрьму, а Принцессу полумертвую отвели въ ея заточеніе, гдѣ она подвержена была всѣмъ мученіямъ жестокаго рабства.

Герцогъ, по одержаніи небольшой побѣды надъ Англичанами, намѣревался отправиться съ первѣйшими своими вельможами къ горѣ Св. Михаила для отдохновенія, какъ доложили ему, что нѣкоторой монахъ желаетъ съ нимъ говорить на единѣ. Сей Принцъ чувствовалъ уже тѣ душевныя терзанія, кои съ злодѣйствомъ не разлучны. Тщетно перемѣнялъ онъ мѣсто

сто своего пребыванія; образЪ брата его слѣдовалЪ за нимЪ повсюду, поражалЪ его сердце и производилЪ вЪ немЪ сіе смятеніе, сей ужасЪ самого себя, котораго ничто разогнать не можетЪ. СлухЪ его поражаемЪ былЪ болѣзненными воплями; всѣ чувства его противу него вооружались; все, казалось, говорило и укоряло его вЪ жестокости. — И такЪ не оскорбляютЪ безЪ наказанія природу! Сколь отлична бываетЪ добродѣтель, которая вЪ жесточайшихЪ искушеніяхЪ вкушаетЪ веселіе и утѣшается вЪ нещастіяхЪ своихЪ спокойствіемЪ совѣсти!

ФранцисканецЪ приближается кЪ Монарху, которой повелѣваетЪ удалиться своимЪ придворнымЪ, и первый начинаетЪ говорить: „Какая причина привела тебя сюда, отецЪ мой, и чего ты отЪ меня желаешь? — Воспрепятствовать, Государь, свершиться величайшему злодѣйству и несправедливости, возбудить вЪ тебѣ природу, вѣру. Мнѣ поручена непріятная должность; но санЪ мой

заставляетЪ меня говорить истинну и ей служить. ПринцЪ, братЪ твой, приближающійся кЪ кончинѣ своей, призываетЪ тебя кЪ сему безпристрастному и непреложному суду Божію...— Ты смѣешь . . . — Все, Государь, когда дѣло стремится кЪ тому, чтобы удержать тебя на краю пропасти, открыть тебѣ глаза, возвратить тебя самому тебѣ; ибо не возможно, чтобы ты имѣлЪ сердце толико жестокое. Представь себѣ Принца, согбеннаго подЪ бременемЪ желѣзЪ, погребеннаго, такЪ сказать, во рву наполненномЪ водою, осужденнаго жестокими орудіями твоего мщенія на то, чтобы погибнуть гладомЪ. Злощастный сей ПринцЪ чувствуетЪ весь ужасЪ своего состоянія. Одна бѣдная женщина продолжала до сего времени бѣдственное бытіе его; она тайнымЪ образомЪ подала ему свою милостыню, кусокЪ хлѣба, единственное пропитаніе, которое она имѣла, и которой лишалась для твоего брата, которой вЪ сіе мгновеніе орошаетЪ скудную

сію

сію пищу послѣдними своими слезами, простираетъ къ тебѣ свои руки изсохшія отъ бѣдности . . . отъ бѣдности, Государь; братъ твой приведенъ до сей крайности, и . . . во всемъ томъ онъ старается оправдать тебя. Онъ охотно вѣритъ, что тебя обманываютъ; что употребляютъ священное твое имя, дабы обременить его мученіями, отъ которыхъ пощадили бы и самаго величайшаго злодѣя. Ахъ! за какое преступленіе привлекъ онъ на себя толь жестокое наказаніе? Такъ, не смотря на свои мученія . . . коихъ ты виновникъ, онъ не можетъ тебя ненавидѣть; ослабѣвшій его голосъ еще произноситъ твое имя . . . (Монахъ бросается къ ногамъ Герцога) Государь . . . Государь, открой обьятія твои сему злополучному брату; удержи послѣдній его вздохъ; онъ тебя оскорбилъ. Богъ прощаетъ, Государь. Цари не представляютъ ли священнаго его подобія на землѣ? Кротостію только можно превышать другихъ людей. Естьли попустишь со-

 вер-

вершиться злодѣянію, трепещи. Я осмѣливаюсь тебѣ предсказать: всегдашнія угрызенія совѣсти будутъ терзать грудь твою. Ты всегда будешь зрѣть ужасную тѣнь; слухъ твой непрестанно поражаемъ будетъ болѣзненными стонами; спокойствіе и веселіе отъ тебя удалятся. Ты почувствуешь суетность своего величества; оно не можетъ возвратить тебѣ спокойствія; ты будешь желать избѣгнуть самого себя, и будешь находить себя вездѣ . . . злощастнѣйшій . . . , виновнѣйшій изъ смертныхъ. Время сіе еще не приспѣло. Покорись истинѣ, состраданію, вѣрѣ, заклинающей тебя моими словами, моими слезами, прекратить казнь злощастнаго . . . Государь! рано или поздо, должно явиться предъ Богомъ, и какъ предстанешь ты предъ очами его, омоченъ будучи отвсюда слезами, кровію твоего брата? . . . — Ахъ! вскричалъ Герцогъ, погружаяся въ слезахъ и падая въ объятія монаха: отецъ мой, отецъ мой! все, чего ты желаешь . . . отдай

мои повелѣнія . . . Мой братъ . . . . я горю нетерпѣніемъ увидѣть, обнять его . . . Я буду просить у него себѣ прощенія; ты соединишь прозьбы свои съ моими для испрошенія онаго . . . Мой братъ, какъ могъ я полагаться толь много на жестокосердыхъ придворныхъ? . . . (Онъ призываетъ своихъ Офицеровъ) Бѣгите поспѣшно! пусть дю-Меель возвратитъ Принцу свободу . . . Не теряйте ни минуты! поспѣшайте и доставьте его въ мои объятія! А ты, мужъ достопочтенный, мужъ достойный званія на тебя возложеннаго! ты возвращаешь меня вѣрѣ, человѣчеству, природѣ; ты облегчаешь мое сердце отъ бремени оное подавлявшаго. Я довольно испыталъ, сколько трудно быть жестокимъ. Ахъ! какое удовольствіе чувствуемъ мы, когда повинуемся соболѣзнованію! Сколь пріятно прощать, любить, внимать природѣ, которую стараются заглушать въ насъ! Тайный нѣкій гласъ непрестанно побуждалъ меня къ помилованію моего брата. Подданные, гово-

ворящіе истинну, вотъ истинные слуги Государей! Прочь отъ меня навсегда сіи подлые придворные! Отецъ мой, они изрыли мнѣ пропасть, въ которой видишь ты меня погруженнаго. Они учинили меня ненавистнымъ Бретани, самому мнѣ... Братъ мой, любезный братъ! я постараюсь загладить всѣ мученія мною тебѣ причиненныя. Слезы твои падали на самое мое сердце; я осушу ихъ несчетными знаками нѣжности; я буду только рачить о твоемъ щастіи; никогда, никогда не будемъ мы любить болѣе другъ друга.„

Коннетабль, о которомъ Герцогъ думалъ, что онъ предводительствуетъ войскомъ Французскимъ, отворяетъ стремительно двери, входитъ въ покои Герцога, и, возбуждаемъ будучи яростію праведнаго своего гнѣва, говоритъ: „Злощастный! и такъ ты достигнулъ верьха твоихъ злодѣяній! — Любезный дядя! они не учинятся. — Что ты говоришь? — Пусть братъ мой... — Онъ уже убитъ! — Братъ мой убитъ? —

Сту

Ступай, бѣги, поспѣши видѣть темницу его обагренную, дымящуюся его кровію; и это по твоему повелѣнію! . . . — О Небо! что я слышу? О чемъ ты меня извѣщаешь? — О томъ, чего жестокость твоя давно уже ожидала; что безъ сомнѣнія учинилось по твоему приказу; что призываетъ на главу твою всѣ небесныя казни. . . . Такъ, дю Меель видя, что голодъ и ядъ не могли пресѣчь дней бѣднаго моего племянника, приказалъ удавить его стражамъ, достойнымъ быть исполнителями мерзкихъ твоихъ желаній. Такъ, все свершилось! уже нѣтъ твоего брата! Онъ похищенъ навсегда отъ глазъ моихъ, отъ моихъ обьятій, отъ Бретани оплакивающей и любящей его! Король позволилъ мнѣ летѣть къ нему на помощь, но я вижу одно только бездушное его тѣло, рыдаю и оплакиваю печальныя его остатки. . . Государь, недостойный сана твоего и дома твоихъ предковъ! надъ симъ окровавленнымъ тѣломъ призываю я на тебя

грозное мщеніе Бога, стремящагося наказать, поразить тебя! Воззри на висящій мечь, внимай раздающемуся грому; ты не можешь укрыться отъ него. Я же предаю тебя всему моему проклятію; отрекаюсь отъ сродства съ тобою, и отселѣ ты не иное что будешь въ глазахъ моихъ, какъ мерзкій преступникъ . . . Одинъ стыдъ, принести на жертву гнѣву моему столь презрительнаго беззаконника, удерживаетъ мечь мой!„ Герцогъ, пришедшій въ крайнее уныніе, пробуждается при семъ и желаетъ оправдать себя. — Я тебя не слушаю, не слушаю ни мало. Король знаетъ все; онъ знаетъ, что обольстили его правосудіе; что обманули его недостойнымъ образомъ, что братъ твой. . . Ахъ, нещастный! я возвращаюсь къ Карлу, и не умедлю требовать отъ него наказанія всѣмъ твоимъ злоумышленникамъ и тебѣ самому.„

Францисканецъ хотѣлъ послѣдовать за Коннетаблемъ, которой удалился. „Отецъ мой! кричитъ ему Герцогъ,

цогъ, пришедшій уже въ нѣкое страшное изступленіе: постой, остановись, поддержи меня въ сихъ удручающихъ меня бѣдствіяхъ. Какъ! брата моего уже нѣтъ, и я... я его убійца? Предсказаніе исполняется: я слышу его... я его вижу... страшное привидѣніе... Оно меня преслѣдуетъ... кровь его окропляетъ меня!... Отецъ мой, открой мнѣ твои объятія, спаси меня въ лоно вѣры... да скроюсь я тамъ отъ самого себя! Отвергнетъ ли она меня?... Боже! ахъ! я чувствую, что Онъ только одинъ можетъ заступить меня; умилосердится ли Онъ надъ злодѣемъ?... Такъ, я осквернился всѣми беззаконіями... Отецъ мой, всѣ казни... адъ въ моей утробѣ!„

Въ самомъ дѣлѣ Герцогъ гонимъ былъ ужаснымъ смятеніемъ, послѣдовавшимъ за нимъ на самой смертной его одръ. Воинство съ отвращеніемъ шествовало подъ его знаменами; вся Бретань наполнена была роптаніями, день отъ дня болѣе возраставшими; вездѣ слышны были жалобы о

плачевной кончинѣ Принца; всякъ представлялъ себѣ его младость, его нещастія, но никто не думалъ о его преступленіяхъ. Снисхожденіе и сострадание, суть двѣ страсти толико намъ свойственныя. Милость всегда готова возвратиться въ человѣческое сердце, когда пристрастіе не старается развратить его. Проклятые любимцы не укрылись отъ мщенія небеснаго: большая часть изъ нихъ казнены поносною смертію. Аликса не утѣшима была лишившись своего супруга. Францискъ, чувствуя приближающуюся свою кончину, приказалъ перенести себя изъ Ваннеса въ одинъ загородной домъ, неподалеку отъ города находящійся, называемый *жилище веселія* (*). Онъ призвалъ туда брата своего Петра, и объявилъ ему послѣднія свои желанія, въ присутствіи вельможъ и первѣйшихъ чиновниковъ своего Двора. Напослѣдокъ изпустилъ онъ духъ свой на рукахъ Францисканца, которой никогда его не оставлялъ, и Викомта Ро-

(*) Le Manoir de Plaiſance.

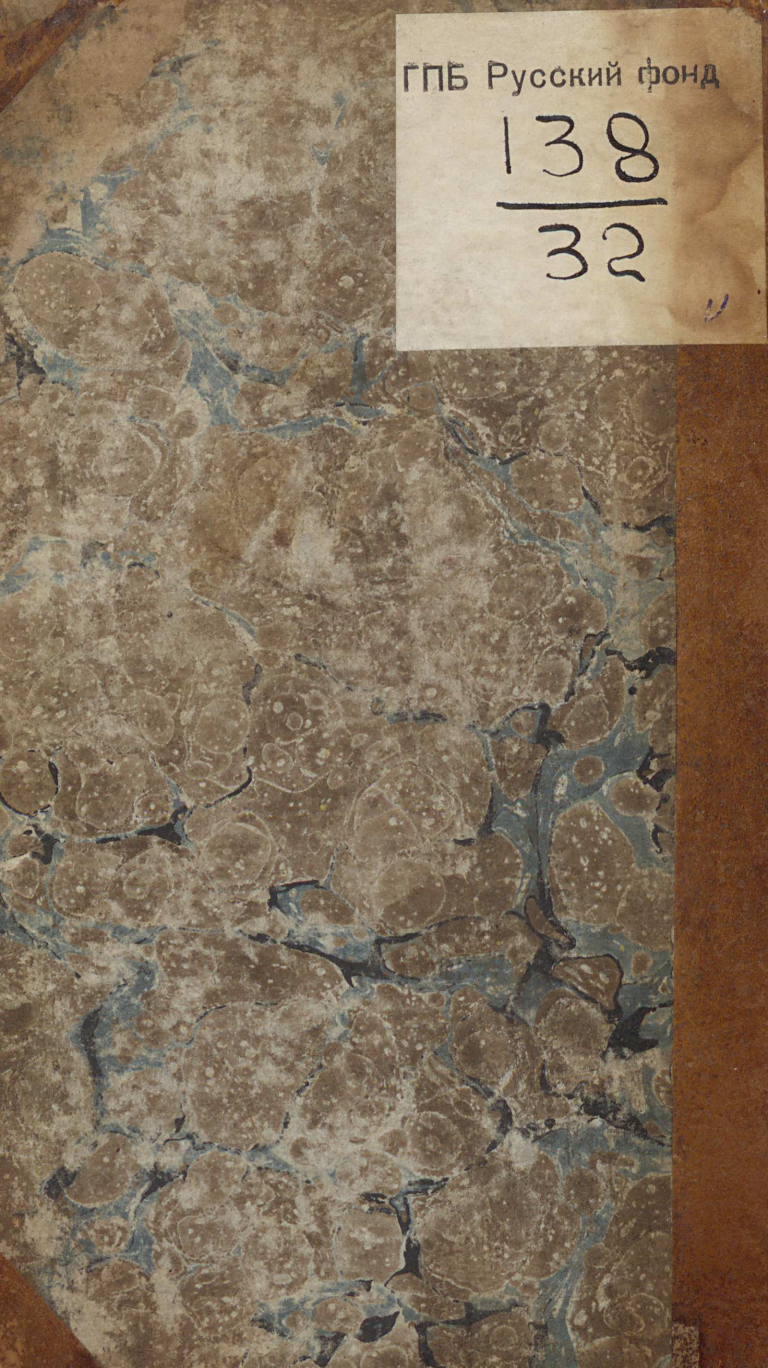
Рогана, котораго приказалъ онъ возвратить изъ ссылки. Предъ кончиною своею безпрестанно произносилъ онъ имя своего брата, коего блѣдная и окровавленная тѣнь мечтаться ему не преставала. Иногда онъ заклиналъ и умолялъ его себя простить, возлагая жестокость свою на тѣхъ, кои его окружали. Одною статьею его завѣщанія повелѣвалъ онъ, чтобы соорудили храмину для успокоенія души Эгидія Бретаньскаго, въ аббатствѣ Боскіенскомъ, гдѣ погребенъ былъ сей Принцъ. Но сіе слабое удовлетвореніе не могло учинить память его пріятною: „Потомство (говоритъ одинъ Писатель его жизни) „всегда „будетъ укорять его въ томъ, что „онъ былъ невнимателенъ къ гласу „природы, и что смерть его брата „есть такое пятно, котораго онъ ни„когда не загладитъ.„

Можно также сказать, что сколько ни былъ виновенъ Франциско; но придворные его были гораздо больше достойны наказанія. Вотъ злодѣи, которымъ

торымъ человѣчество не должно прощать, и кои достойны преданы быть вѣчному проклятію. Часто спрашиваютъ у ученыхъ людей, какое нравоученіе происходитъ отъ повѣствованія такого или такого произшествія. Осмѣлятся ли учинить здѣсь подобный вопросъ? . . . Нравоученіе сего приключенія не есть ли разительно и страшно?

КОНЕЦЪ.

ГПБ Русский фонд
138
32
и